

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 18

1985

Габриэль ГАРСИЯ
МАРКЕС

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

НЕДОБРЫЙ ЧАС

ОКОНЧАНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 18

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

НЕДОБРЫЙ ЧАС

РОМАН

*Перевод с испанского
Ростислава Рыбкина*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

(Окончание¹)

Вошел алькальд. Устроившись в углу партера, он выкурил до начала фильма две сигареты. С непривычки (пачки сигарет ему хватало на месяц) его затошнило. Воспалительный процесс в десне прекратился, но тело все еще страдало от воспоминаний о прошлых ночах и от поглощенных таблеток.

Кинотеатр представлял собой окруженную цементной стеной площадку. Половину партера укрывал навес из оцинкованного железа, а трава словно заново пробивалась каждое утро сквозь россыпь окурков и жевательной резинки. Вдруг скамейки из необструганных досок и железная решетка, отделявшая партер от галерки, поплыли перед его глазами, и он, взглянув на белый прямоугольник экрана, почувствовал, как на него накатывается волна головокружения.

Когда свет погасили, ему стало лучше. Оглушающая музыка, доносившаяся из громкоговорителя, прервалась, но зато сильнее завибрировал движок, установленный в деревянной будке рядом с кинопроектором.

Перед началом фильма показали рекламные диапозитивы. Несколько минут сумрак колебали приглушенный шепот, топот ног и короткие смешки. На алькальда напал вдруг страх, и он подумал, что этот приход зрителей в темноте, по сути дела, настоящее восстание против жестких правил, установленных падре Анхелем.

Владельца кинотеатра, когда тот проходил мимо, алькальд узнал по запаху одеколона.

— Разбойник,— прошептал алькальд, хватая его за руку,— придется тебе платить специальный налог.

Смеясь сквозь зубы, владелец кинотеатра сел рядом.

— Картина вполне подходящая,— сказал он.

— По мне, так лучше бы все картины были неподходящие,— сказал алькальд.— Высокоморальные фильмы — самые скучные.

¹ Начало романа см. Библиотеку «Огонек» № 17. 1985.

Несколько лет назад к колокольной цензуре относились не особенно серьезно, но каждое воскресенье во время большой мессы падре Анхель называл с кафедры и изгонял из церкви не посчитавшихся с его предупреждением женщин.

— Выручала задняя дверь, — сказал владелец кино.

Алькальд, глаза которого уже следили за кадрами старого киножурнала, заговорил, делая паузы каждый раз, когда на экране появлялось что-нибудь интересное.

— В общем, разницы нет, — сказал он. — Священник не дает причастие женщинам в платьях с короткими рукавами, а они все равно продолжают ходить без рукавов и только надевают фальшивые длинные, когда идут к мессе.

После журнала дали анонс фильма следующей недели. Они молча досмотрели его до конца, и тогда владелец кинотеатра наклонился к алькальду.

— Лейтенант, — прошептал он ему на ухо, — купите у меня это хозяйство.

Алькальд не отрываясь смотрел на экран.

— Нет смысла.

— Для меня, — сказал владелец кинотеатра. — А для вас будет золотое дно. Разве не понимаете? К вам священник со своим трезвоном не сунется.

Подумав, алькальд ответил:

— Заманчиво.

Однако обещаниями связывать себя на стал. Положив ноги на скамью впереди, он углубился в перипетии запутанной драмы, которая, решил он в конечном счете, не заслуживает и четырех ударов колокола.

Выйдя из кино, он зашел в бильярдную, где в это время разыгрывалась лотерея. Было жарко, из приемника лилась нестройная музыка. Алькальд выпил бутылку минеральной воды и пошел спать.

Он шел, ни о чем не думая, по берегу. Слушая глухое урчанье поднимающейся реки, он ощущал в темноте исходивший от нее запах большого зверя. Уже у себя дома, перед дверью спальни, он вдруг остановился, отпрянул назад и выдернул из кобуры револьвер.

— Выходи на свет, — приказал он, — или я тебя выкурю.

Из темноты прозвучал нежный голосок:

— Лейтенант, нельзя быть таким нервным.

Он стоял не двигаясь, готовый выстрелить, пока та, которая скрывалась внутри, не вышла на свет и он не узнал ее. Это оказалась Кассандра.

— Ты была на волосок от смерти, — сказал алькальд.

Он велел ей вернуться с ним в спальню. Довольно долго Кассандра говорила о разном, перескакивая с одной темы на другую. Она уже

сидела в гамаке, сбросила, разговаривая, туфли и теперь с веселой развязностью рассматривала у себя на ногах покрытые огненно-красным лаком ногти.

Сидя напротив и обмахиваясь фуражкой, алькальд корректно поддерживал разговор. Он снова курил. Когда пробило двенадцать, она откинулась в гамаке на спину, протянула к нему руку в позвякивающих браслетах и легонько ущипнула за нос.

— Уже поздно, малыш,— сказала она.— Погаси свет.

Алькальд улыбнулся.

— Я звал тебя не для этого,— сказал он.

Она не поняла.

— На картах гадаешь? — спросил алькальд.

Кассандра села.

— Конечно,— сказала она.

И потом, уже сообразив, надела туфли.

— Только у меня нет с собой колоды,— сказала она.

— Бог помогает тому, кто сам себе помогает,— улыбнулся алькальд.

Он вытащил из глубины сундука захватанную колоду карт. Она серьезно и внимательно оглядела каждую карту с обеих сторон.

— Мои лучше,— сказала она.— Но все равно, самое важное — это как они лягут.

Алькальд пододвинул столик и сел напротив; Кассандра начала раскладывать карты.

— Любовь или дела? — спросила она.

Алькальд вытер вспотевшие ладони.

— Дела,— сказал он.

VI

Под карнизом флигеля, где жил священник, укрылся от дождя бездомный осел и всю ночь бил копытами в стену спальни. Ночь была беспокойная. Только на рассвете падре Анхелю удалось наконец заснуть по-настоящему, а когда он проснулся, у него было такое чувство, будто он весь покрыт пылью. Уснувшие под дождем туберозы, вонь отхожего места, а потом, когда отзвучали пять ударов колокола, также и мрачные своды церкви казались измышленными специально для того, чтобы сделать это утро тяжелым и трудным.

Из ризницы, где он переодевался к мессе, падре Анхель слышал, как Тринидад собирает свой урожай мертвых мышей, а в церковь между тем тихо проходят женщины, которых он там видел каждое утро. Во время мессы он со все усиливающимся раздражением замечал ошибки служки, его отвратительную латынь и в момент окончания службы испытал беспросветную тоску, терзавшую его в худшие минуты жизни.

Он уже шел завтракать, когда путь ему преградила Тринидад.
— Сегодня еще шесть попались! — воскликнула она, показывая коробку с дохлыми мышами.

Падре Анхель попытался стряхнуть с себя уныние.

— Великолепно, — сказал он. — Теперь нам надо только найти норки, и тогда мы избавимся от них окончательно.

Тринидад уже нашла норки. Она рассказала, как в разных местах храма, особенно в звоннице и у купели, отыскала их и залила асфальтом. Этим утром она видела, как о стену билась обезумевшая мышь, тщетно проискавшая всю ночь вход к себе в дом.

Они вышли на замощенный камнем дворик, где уже распрямлились первые туберозы. Тринидад остановилась выбросить мышей в отхожее место. Войдя в свою комнату, падре Анхель снял салфетку, под которой каждое утро, словно по волшебству, появлялся завтрак, призывавшийся ему из дома вдовы Асис, и приготовился есть.

— Да, чуть не забыла: я так и не смогла купить мышьяк, — сказала, входя к нему в комнату, Тринидад. — Дон Лало Москоте говорит, что продаст его только по рецепту врача.

— Мышьяк уже не понадобился, — сказал падре Анхель. — Они теперь задохнутся в своих норах.

Пододвинув кресло к столу, он достал чашку, блюдо с тонкими ломтиками кукурузного хлеба и кофейник с выгравированным японским драконом. Тринидад открыла окно.

— Всегда надо быть наготове — вдруг они появятся снова, — сказала она.

Падре Анхель начал было наливать себе кофе, но остановился и посмотрел на Тринидад: в бесформенном балахоне и ортопедических ботинках она подходила к его столу.

— Ты слишком много об этом думаешь, — сказал он.

Ни в этот момент, ни позднее падре Анхель так и не обнаружил в густых бровях Тринидад хоть какого-нибудь намека на беспокойство. Не сумев унять легкое дрожание пальцев, он долил в чашку кофе, бросил в него две чайные ложки сахарного песка и, не отрывая взгляда от висевшего на стене распятия, стал размешивать.

— Когда ты исповедовалась в последний раз?

— В пятницу, — ответила Тринидад.

— Скажи мне одну вещь: было ли хоть раз, чтобы ты скрыла от меня какой-нибудь грех?

Тринидад отрицательно покачала головой.

Падре Анхель закрыл глаза и вдруг, перестав мешать кофе, положил ложечку на тарелку и схватил Тринидад за руку.

— Стань на колени, — сказал он ей.

Ошеломленная Тринидад поставила картонную коробку на пол и стала перед ним на колени.

— Читай покаянную молитву, — приказал падре Анхель отеческим тоном исповедника.

Скрестив на груди руки, Тринидад забормотала молитву и остановилась только, когда падре положил ей руку на плечо и сказал:

— Достаточно.

— Я лгала,— сказала Тринидад.

— Что еще?

— У меня были дурные мысли.

Так она исповедовалась всегда — перечисляла общими словами одни и те же грехи и всегда в одном и том же порядке. На этот раз, однако, падре Анхель не мог противостоять желанию заглянуть немного поглубже.

— Например? — спросил он.

— Я не знаю,— промямлила Тринидад.— Просто бывают иногда дурные мысли.

Падре Анхель выпрямился.

— А не приходила тебе в голову мысль лишить себя жизни?

— Пресвятая дева Мария! — воскликнула, не поднимая головы, Тринидад и постучала костяшками пальцев по ножке стола.— Нет, никогда, падре!

Падре Анхель рукой поднял ее голову и, к своему отчаянию, обнаружил, что глаза девушки наполняются слезами.

— Ты хочешь сказать, что мышьяк тебе и вправду нужен был только для мышей?

— Да, падре.

— Тогда почему ты плачешь?

Тринидад попыталась снова опустить голову, но он твердо держал ее за подбородок. Из ее глаз брызнули слезы, и падре Анхелю показалось, будто по его пальцам потек теплый уксус.

— Постарайся успокоиться,— сказал он ей.— Ты еще не закончила исповедь.

Он дал ей выплакаться и, когда почувствовал, что она уже не плачет, сказал мягко:

— Ну хорошо, а теперь расскажи мне.

Тринидад высморкалась в подол, проглотила вязкую, соленую от слез слюну, а потом заговорила снова своим низким, на редкость красивым голосом:

— Меня преследует мой дядя Амбросио,— сказала она.

— Как это?

— Он хочет, чтобы я позволила ему провести ночь в моей постели.

— Рассказывай дальше.

— Больше ничего не было,— сказала Тринидад.— Ничего, клянусь богом.

— Не клянись,— наставительно сказал падре. И тихо, как в исповедальне, спросил: — Скажи, с кем ты спишь?

— С мамой и остальными женщинами,— ответила Тринидад.— Нас семь в одной комнате.

— А он?

— В другой комнате, где мужчины.

— А в твою комнату он не входил ни разу?

Тринидад покачала головой.

— Ну, не бойся, скажи мне всю правду, — не отставал от нее падре Анхель. — Он никогда не пытался войти в твою комнату?

— Один раз.

— Как это произошло?

— Не знаю, — сказала Тринидад. — Я проснулась и почувствовала — он лежит рядом, под моей москитной сеткой, такой тихонький; он сказал, что ничего мне не делает, а хочет только со мной спать, потому что боится петухов.

— Каких петухов?

— Не знаю, — ответила Тринидад. — Так он мне сказал.

— А ты ему что сказала?

— Что если он не уйдет, я закричу и всех разбужу.

— И что же он тогда сделал?

— Кастула проснулась и спросила меня, что случилось, и я сказала — ничего, наверно, ей просто что-то приснилось; а он лежал тихий-тихий, будто мертвый, и я даже не слышала, как он вылез из-под сетки.

— Он был одет, — почти утвердительно сказал падре.

— Как он обычно спит, — сказала Тринидад, — в одних штанах.

— И он не пытался до тебя дотронуться?

— Нет, падре.

— Скажи мне правду.

— Я не обманываю, падре. — настаивала Тринидад. — Клянусь богом.

Падре Анхель снова поднял рукой ее подбородок и посмотрел в печальные влажные глаза.

— Почему ты скрывала это от меня?

— Я боялась.

— Чего?

— Не знаю, падре.

Он положил руку ей на плечо и начал говорить. Тринидад кивала в знак согласия. Потом, закончив, он начал тихо молиться вместе с ней. Он молился самозабвенно, с каким-то страхом, оглядывая мысленно, насколько ему позволяла память, всю свою жизнь.

В минуту, когда он давал ей отпущение грехов, им уже начало овладевать предчувствие надвигающегося несчастья.

Резким толчком алькальд открыл дверь и крикнул:

— Судья!

Из спальни, на ходу вытирая руки о юбку, вышла жена судьи Аркадио.

— Он не появлялся уже две ночи,— сказала она.

— Черт подери,— выругался алькальд,— в канцелярии его вчера тоже не было. Я ищу его везде по неотложному делу, но никто понятия не имеет, где он обретается. Вы не знаете, где бы он мог быть?

Женщина пожала плечами:

— У шлюх, наверно.

Алькальд вышел, не затворив за собою двери, и зашагал в бильярдную, где из включенного на полную мощность музыкального автомата лилась слащавая песенка. Там он сразу прошел к отгороженному в глубине помещению и громко крикнул:

— Судья!

Хозяин, дон Роке, занятый переливанием рома в большую оплетенную бутылку, оторвался от своего дела и прокричал в ответ:

— Его здесь нет, лейтенант!

Алькальд двинулся за ширму. Там сидели группами и играли в карты мужчины. Судья Аркадио никто не видел.

— Вот черт,— сказал алькальд,— то у нас в городке про всех все знают, а сейчас, когда судья нужен мне позарез, никто не может сказать мне, где он.

— Узнайте лучше у того, кто наклеивает листки,— посоветовал дон Роке.

— Отстаньте от меня с этой писаниной! — огрызнулся алькальд.

Судья Аркадио не оказалось и в суде. Было девять часов утра, но секретарь суда уже дремал, лежа в галерее патио. Алькальд направился в участок и приказал трем полицейским одеться и пойти поискать судью Аркадио в танцевальном зале или у трех известных всему городу женщин. После этого он снова вышел на улицу и побрел, не думая о том, куда идет. Внезапно он увидел судью в парикмахерской — лицо его было закрыто горячим полотенцем, а сам он сидел, широко расставив ноги.

— Черт подери, судья,— воскликнул алькальд,— я уже два дня вас ищу!

Парикмахер снял полотенце, и взору алькальда предстали опухшие глаза; на подбородке тенью лежала трехдневная щетина.

— Вы пропадаете где-то, а ваша жена рожает,— сказал алькальд. Судья Аркадио вскочил на ноги:

— Дьявол!

Громко захохотав, алькальд толкнул его обратно в кресло.

— Не валяйте дурака,— сказал он.— Я искал вас не поэтому.

Закрыв глаза, судья Аркадио снова откинулся в кресле.

— Заканчивайте, и пойдем в суд,— сказал алькальд.— Я вас подожду.

Он сел на скамейку.

— Где вы, черт возьми, пропадали?

— Здесь,— ответил судья.

Алькальд был не частым гостем в парикмахерской. Как-то раз он увидел прикрепленное к стене объявление: «Говорить о политике воспрещается», но тогда оно показалось ему естественным. На этот раз, однако, оно заставило его задуматься.

— Гвардиола! — позвал он.

Парикмахер вытер бритву о брюки и застыл в ожидании.

— Что такое, лейтенант?

— Кто уполномочил тебя это вывесить? — спросил, показывая на объявление, алькальд.

— Опыт, — ответил парикмахер.

Алькальд пододвинул к стене табуретку, влез на нее и сорвал объявление.

— Запрещать может только правительство, — сказал он. — У нас демократия.

Парикмахер снова принялся за работу.

— Никто не вправе препятствовать людям выражать свои мысли, — продолжал алькальд, разрывая картонку.

Швырнув обрывки в мусорницу, он подошел к туалетному столику мыть руки.

— Вот видишь, Гвардиола, — наставительно сказал судья, — к чему приводит лицемерие.

Алькальд посмотрел в зеркало на парикмахера и увидел, что тот поглощен работой. Пристально глядя на него, он начал вытирать руки.

— Разница между прежде и теперь, — сказал он, — состоит в том, что прежде распоряжались политики, а теперь — демократическое правительство.

— Вот так, Гвардиола, — сказал судья Аркадио, лицо которого было покрыто мыльной пеной.

— Все ясно, — отозвался парикмахер.

Когда они вышли на улицу, алькальд легонько подтолкнул судью Аркадио в сторону суда. Дождь зарядил надолго, и казалось, что улицы вымощены мылом.

— Я считал и считаю, что парикмахерская — гнездо заговорщиков, — сказал алькальд.

— Они только говорят, — сказал судья Аркадио, — и на этом все кончается.

— Это-то мне и не нравится, — возразил алькальд. — Слишком уж они смиренные.

— В истории человечества, — словно читая лекцию, сказал судья, — не отмечено ни одного парикмахера, который был бы заговорщиком, и ни одного портного, который бы таковым не был.

Алькальд выпустил локоть судьи Аркадио только тогда, когда усадил того во вращающееся кресло. В суд вошел, зевая, секретарь с напечатанным на машинке листком.

— Ну,— сказал ему алькальд,— принимаемся за работу.

Он сдвинул фуражку на затылок и взял у секретаря листок.

— Что это?

— Для судьи,— сказал секретарь.— Список тех, на кого не вывешивали листков.

Алькальд изумленно посмотрел на судью.

— Черт побери,— воскликнул он,— значит, вас это тоже интересует?

— Это как чтение детектива,— извиняющимся голосом сказал судья.

Алькальд пробежал глазами список.

— Хорошо придумано,— сказал секретарь.— Кто-нибудь из них наверняка и есть автор листков. Логично?

Судья взял список у алькальда.

— Ну не дурак ли? — сказал он, обращаясь к нему, а потом повернулся к секретарю: — Если я собираюсь наклеивать листки, то прежде всего, чтобы снять с себя подозрения, я наклею листок на свой собственный дом.— И спросил у алькальда: — Разве не так, лейтенант?

— Это дело не наше,— сказал алькальд.— Пусть люди разбираются сами, кто сочиняет эти листки, а нам над этим голову ломать не стоит.

Судья Аркадио изорвал список в клочки, скатал из них шар и бросил его в патио.

— Разумеется.

Но алькальд забыл об инциденте еще до того, как судья Аркадио это сказал. Упершись руками в стол, он заговорил:

— Я хочу, чтобы вы посмотрели в своих книгах вот что: из-за наводнений жители приречной части городка перенесли свои дома на земли за кладбищем, являющиеся моей собственностью. Что я должен в этом случае делать?

Судья Аркадио улыбнулся.

— Ради этого не стоило приходить в суд,— сказал он.— Проще простого: муниципалитет отдает эти земли поселенцам и выплачивает соответствующую компенсацию тому, кто докажет, что земли принадлежат ему.

— У меня есть все бумаги,— сказал алькальд.

— Тогда нужно только назначить экспертов, чтобы произвели оценку,— сказал судья.— А заплатит муниципалитет.

— Кто их назначает?

— Вы можете назначить их сами.

Алькальд поправил кобуру револьвера и пошел к двери.

Судья Аркадио, провожая его взглядом, подумал, что жизнь — всего лишь непрерывная цепь чудесных избавлений от гибели.

— Не стоит нервничать из-за такого пустячного дела,— улыбнулся он.

— Я не нервничаю,— серьезно сказал алькальд,— но дело не из приятных.

— Сперва вы должны назначить уполномоченного,— вмешался секретарь.

Алькальд повернулся к судье:

— Это правда?

— При чрезвычайном положении абсолютной необходимости в этом нет,— ответил судья,— но ваша позиция будет, безусловно, выглядеть лучше, если, учитывая, что вы хозяин земель, оказавшихся предметом тяжбы, за дело возьмется уполномоченный.

— Тогда надо его назначить,— сказал алькальд.

Не отрывая взгляда от стервятников, дравшихся посреди дороги из-за падали, сеньор Бенхамин снял с ящика одну ногу и поставил другую. Наблюдая за неуклюжими движениями напыщенных и церемонных птиц, словно танцевавших старинный танец, он изумился необычайному сходству с ними людей, надевающих маски стервятников в карнавальное воскресенье. Мальчик, сидевший у его ног намазал светлым кремом второй ботинок и снова ударил по ящику — знак, чтобы он поставил на крышку другую ногу.

Сеньор Бенхамин, раньше зарабатывавший на жизнь тем, что писал прошения, никогда не торопился. Здесь, в его лавке, которую он проедал сентаво за сентаво, так что теперь у него оставались всего четыре литра керосина и пачка сальных свечей, время двигалось еле-еле.

— Идет дождь, а жарко по-прежнему,— сказал мальчик.

Сеньор Бенхамин с ним согласился. Он был одет в безупречной свежести полотно, а у мальчика рубашка на спине совсем промокла.

— Вопрос душевного состояния,— сказал сеньор Бенхамин.— Просто о жаре не надо думать, вот и все.

Мальчик на это ничего не сказал, только снова ударил по ящику, и через минуту работа была закончена. Пройдя в глубину своей сумрачной лавки с пустыми полками, сеньор Бенхамин надел пиджак и соломенную шляпу, перешел через улицу, укрывшись от дождя зонтом, и постучался в окно дома напротив. Из приоткрытой половинки окна выглянула девушка с очень бледной кожей и иссиня-черными волосами.

— Добрый день, Мина,— сказал сеньор Бенхамин.— Ты еще не собираешься обедать?

Она сказала, что еще нет, и распахнула окно настежь. Она сидела перед большой корзиной, полной проволоки и разноцветной бумаги.

На коленях у нее лежали клубок ниток, ножницы и недоделанная ветка искусственных цветов. На патефоне пела пластинка.

— Присмотри, пожалуйста, за лавкой, пока меня не будет,— сказал сеньор Бенхамин.

— Вы надолго?

Внимание сеньора Бенхамина было поглощено пластинкой.

— Я иду к зубному,— ответил он.— Прохожу не больше получаса.

— Ну ладно,— сказала Мина,— а то слепая не любит, когда я торчу подолгу у окна.

Сеньор Бенхамин перестал слушать пластинку.

— Теперешние песни все одинаковые,— заметил он.

Мина насадила готовый цветок на конец длинного, обмотанного зеленой бумагой проволочного стебелька и крутнула его пальцем, завороченная полной гармонией между цветком и пластинкой.

— Вы не любите музыку,— сказала она.

Но сеньор Бенхамин уже пошел — на цыпочках, чтобы не спугнуть стервятников. Мина вернулась к своей работе, только когда увидела, как он стучится к зубному врачу.

— Насколько я понимаю,— сказал, открывая ему дверь, зубной врач,— у хамелеона чувствительность в глазах.

— Возможно,— согласился сеньор Бенхамин.— Но почему тебя это занимает?

— По радио только что говорили, что слепые хамелеоны не меняют цвета,— ответил врач.

Поставив раскрытый зонтик в угол, сеньор Бенхамин повесил на гвоздь пиджак и шляпу и уселся в зубо врачебное кресло. Зубной врач перетирал в ступке какую-то розовую массу.

— Чего только не говорят,— сказал сеньор Бенхамин.

Не только сейчас, но и всегда он говорил с таким же таинственным видом.

— О хамелеонах?

— Обо всех и обо всем.

Врач с приготовленной массой подошел к креслу, чтобы сделать слепок. Сеньор Бенхамин вынул изо рта истершийся зубной протез, завернул его в платок и положил на стеклянный столик рядом с креслом. Беззубый, с узкими плечами и худыми руками, он напоминал святого. Облепив розовой массой десны сеньора Бенхамина, зубной врач закрыл ему рот.

— Вот так,— сказал он и посмотрел сеньору Бенхамину прямо в глаза,— а то я трус.

Сеньор Бенхамин попытался было сделать глубокий вдох, но врач не дал ему открыть рот. «Нет,— мысленно возразил сеньор Бенхамин,— это неправда». Он, как и все, знал, что зубной врач был единственным приговоренным к смерти, не пожелавшим покинуть свой дом. Ему пробуравили стены пулями, ему дали на выезд двадцать

четыре часа, но сломить его так и не удалось. Он перенес зубо-врачебный кабинет в одну из комнат в глубине дома и, оставаясь хозяином положения, работал с револьвером наготове до тех пор, пока не закончились долгие месяцы террора.

Занятый своим делом, зубной врач несколько раз читал в глазах сеньора Бенхамини один и тот же ответ, только окрашенный большим или меньшим беспокойством. Дожидаясь, чтобы масса затвердела, врач не давал ему открыть рот. Потом он вытащил слепок.

— Я не об этом, — сказал, задышав наконец свободно, сеньор Бенхамини. — Я о листках.

— А, так, значит, это волнует и тебя?

— Они свидетельство социального разложения.

Он вложил в рот зубной протез и стал неторопливо надевать пиджак.

— Они свидетельство того, что рано или поздно все становится известным, — равнодушно сказал зубной врач.

А потом, взглянув на грязное небо за окном, предложил:

— Хочешь, пережди у меня дождь.

Сеньор Бенхамини повесил зонт на руку.

— Никого нет в лавке, — объяснил он, тоже бросая взгляд на готовую разродиться дождем тучу, а потом, прощаясь, приподнял шляпу. — И выбрось эту чепуху из головы, Аурелио, — уже в дверях сказал он. — Ни у кого нет оснований считать тебя трусом.

— В таком случае, — сказал зубной врач, — подожди секунду.

Он подошел к двери и протянул сеньору Бенхамини сложенный вдвое лист бумаги.

— Прочти и передай дальше.

Сеньору Бенхамини не нужно было смотреть на этот лист, чтобы узнать, что в нем написано. Разинув рот, он уставился на врача:

— Снова?

Зубной врач кивнул и остался стоять в дверях кабинета, пока сеньор Бенхамини не вышел на улицу.

В двенадцать жена позвала зубного врача обедать. В столовой, просто и бедно обставленной вещами, которые, казалось, никогда не были новыми, сидела и штопала чулки их двадцатилетняя дочь Анхела. На деревянной балюстраде вокруг патио выстроились в ряд окрашенные в красный цвет горшки с лекарственными растениями.

— Бедный Бенхамини, — сказал зубной врач, усаживаясь на свое место у круглого стола, — его тревожат листки.

— Они всех тревожат, — сказала жена.

— Тобары уезжают из городка, — вставила Анхела.

Мать взяла у нее тарелки и сказала, разливая суп:

— Распродают все прямо на ходу.

Горячий аромат супа уводил зубного врача от мыслей, которые сейчас занимали его жену.

— Вернутся, — сказал он. — У стыда память короткая.

Дуя на ложку перед тем как отхлебнуть, он ждал, что скажет по этому поводу его дочь — как и он, несколько замкнутая на вид, но с необыкновенно живым взглядом. Однако он так и не получил ответа: она заговорила о цирке. Сказала, что там один человек ручной пилой распиливает надвое свою жену, лилипут распекает, положив голову в пасть льва, а воздушный гимнаст делает тройное сальто над торчащими из помоста ножами. Зубной врач слушал ее и молча ел, а когда она кончила свой рассказ, пообещал, что вечером, если перестанет дождь, они пойдут в цирк.

В спальне, вешая гамак, он понял, что от его обещания настроение жены лучше не стало. Она сказала, что тоже захочет уехать из городка, если на их дом наклеят листок.

Ее слова не удивили зубного врача.

— Хорошенькое дело, — сказал он, — не сумели выгнать нас пулями, так неужели выгонят наклеенной на дверь бумажкой?

Он разулся и, не снимая носков, влез в гамак и стал ее успокаивать:

— Не думай об этом — я уверен, что нам его не наклеят.

— Они не шадят никого, — сказала она.

— Как сказать, — возразил врач. — Они знают, что со мной им лучше не связываться.

С бесконечно усталым видом женщина вытянулась на кровати.

— Если бы хоть знать, кто их пишет.

— Кто пишет, тот знает, — отозвался зубной врач.

Алькальд не ел по целым дням — он просто забывал о еде. Но бурная активность обычно сменялась у него долгими периодами апатий и безделья, когда он бродил бесцельно по городку или заперался и сидел, утратив ощущение времени, в своей канцелярии с пуленепробиваемыми стенами. Всегда один, всегда во власти настроения, он не испытывал особого пристрастия к чему бы то ни было и даже не помнил, чтобы когда-либо в жизни подчинялся какому-то регулярным привычкам. И только когда голод становился совсем непереносимым, он появлялся, иногда в неурочный час, в гостинице и съедал все, что ему ни подавали.

В тот день он пообедал с судьей Аркадио, а потом, пока оформлялась продажа земель у кладбища, они провели вместе всю вторую половину дня. Эксперты выполнили свой долг. Назначенный временно уполномоченный управился со своими обязанностями за два часа. Когда в начале пятого судья и алькальд вошли в бильярдную, казалось, что они вернулись из трудного путешествия в будущее.

— Ну, закончили, — сказал, отряхивая руки, алькальд.

Было похоже, что судья Аркадио его не слышит. Алькальд увидел, как он с закрытыми глазами ищет у стойки табурет, и дал ему таблетку от головной боли.

— Стакан воды,— сказал алькальд дону Роке.

— Холодного пива,— попросил судья Аркадио, ложась лбом на стойку.

— Или холодного пива,— поправил себя алькальд и положил на стойку деньги.— Он заслужил — работал как вол.

Выпив пива, судья Аркадио стал растирать пальцами кожу на голове. В заведении, где теперь все ожидалось шествия цирковых артистов, царил праздничная атмосфера.

Алькальд тоже увидел шествие. Сперва на карликовом слоне с ушами, похожими на листья маланги, выехала под гром оркестра девушка в серебристом платье. За ней шли клоуны и акробаты. Дождь совсем перестал, и дочиста вымытый вечер отогревался в лучах предзакатного солнца. И когда для того, чтобы человек на ходулях мог прочитать вслух объявление, музыка оборвалась, весь городок словно поднялся над землей, умолкнув в изумлении перед чудом.

Падре Анхель, наблюдая шествие из своей комнаты, покачивал в такт музыке головой. Эта счастливая привычка, сохранившаяся еще с детства, не покинула его и на этот раз. Во время ужина и позднее он все так же покачивал головой и перестал, только когда закончил наблюдать за входящими в кино зрителями и снова оказался наедине с собой в своей спальне. После молитвы он сел в плетеную качалку и за печальными размышлениями не заметил, как пробило девять и замолчал громкоговоритель кино, оставив вместо себя кваканье одинокой лягушки. Тогда он сел за письменный стол написать приглашение алькальду.

В цирке алькальд, заняв по настоянию директора одно из почетных мест, посмотрел номер с трапециями, которым открылось представление, и выход клоунов. Потом, в черном бархате и с повязкой на глазах, появилась Кассандра и выразила готовность угадывать мысли публики. Алькальд обратился в бегство и, как обычно, совершив обход городка, в десять пришел в полицейский участок. Там его ожидало написанное на маленьком листке тщательно взвешенными словами письмо падре Анхеля. Алькальда встревожил официальный тон приглашения.

Падре Анхель уже начинал раздеваться, когда к нему постучался алькальд.

— Вот так так! — воскликнул священник.— Я не ожидал вас так скоро.

Входя, алькальд снял фуражку.

— Люблю отвечать на письма,— сказал он, улыбаясь.

Он бросил фуражку в кресло, придав ей, как пластинке, вращательное движение. Под шкафчиком, где хранилось вино, в глубокой глиняной посудине охлаждались в воде бутылки лимонада. Падре Анхель извлек оттуда одну.

— Хотите?

Алькальд не возражал.

— Я потревожил вас,— переходя к делу, сказал священник,— чтобы выразить свое беспокойство по поводу вашего безразличного отношения к клеветническим листкам.

Слова его можно было принять за шутку, но алькальд понял их буквально. Ошарашенный, он задал себе вопрос, как могли эти листки настолько встревожить падре Анхеля.

— Меня удивляет, падре, что они волнуют и вас.

Падре Анхель, разыскивая консервный нож, выдвигал ящики стола.

— Не листки сами по себе меня тревожат,— сказал он немного растерянно, не зная, что ему делать с бутылкой.— Тревожит меня некоторая доля несправедливости, которая есть во всем этом.

Алькальд взял у него бутылку и, зацепив крышкой за подковку своего сапога, открыл ее левой рукой так ловко, что это привлекло внимание падре Анхеля. Из горлышка полилась пена, и алькальд слизнул ее.

— Существует частная жизнь...— заговорил он, но не закончил, однако, свою мысль.— Серьезно, падре: я не знаю, что тут можно сделать.

Падре Анхель сел за письменный стол.

— А вам бы следовало знать,— сказал он.— Ведь вы с подобными проблемами сталкивались.— Он обвел отсутствующим взглядом комнату и уже совсем другим тоном продолжал: — Нужно предпринять что-нибудь до воскресенья.

— Сегодня четверг,— напомнил алькальд.

— Я знаю,— отозвался падре. И, повинувшись внезапному порыву, добавил: — Но, может быть, у вас есть еще время выполнить свой долг?

Алькальд попытался свернуть бутылке шею. Глядя, как он прожигается от одной стены к другой, статный и самоуверенный, на вид много моложе своего возраста, падре Анхель вдруг испытал острое чувство неполноценности.

— Как вам, должно быть, ясно,— снова заговорил он,— речь не идет о чем-то особенном.

На колокольне пробило одиннадцать. Алькальд подождал, пока замрут отзвуки последнего удара, а потом, упершись руками о стол, наклонился к падре Анхелю. Тревога, написанная на его лице, зазвучала теперь и в его голосе.

— Подумайте вот о чем, падре,— сказал он.— В городке все спокойно, у людей проявляется доверие к власти. Любое обращение к насилию без достаточных на то оснований было бы сейчас слишком рискованным.

Выразив кивком согласие, падре Анхель попытался сформулировать свою мысль яснее:

— Я имею в виду, в самых общих чертах, какие-то меры со стороны властей.

— Во всяком случае,— продолжал, не меняя позы, алькальд,— я должен считаться с реальностью. Сами знаете: у меня в участке сидят шесть полицейских, ничего не делают, а получают жалованье. Добиться, чтобы их сменили, мне не удалось.

— Я знаю,— сказал падре Анхель.— Вашей вины здесь нет.

— А ведь ни для кого не секрет,— продолжал алькальд, распаляясь и уже не слыша замечаний священника,— что трое из них обыкновенные преступники, которых вытащили из камер и переделали в полицейскую форму. При нынешнем положении дел я не хочу рисковать, посылая их на улицу охотиться за привидениями.

Падре Анхель развел руками.

— Ну конечно, конечно,— согласился он,— об этом не может быть и речи. Но почему бы, например, вам не обратиться к достойным гражданам?

Алькальд выпрямился и нехотя сделал несколько глотков из бутылки. Форма на груди и на спине у него промокла от пота. Он сказал:

— Достойные граждане, как вы их называете, помирают над листками со смеху.

— Не все.

— Да и нехорошо лишать людей покоя из-за того, на что, если разобраться, вообще не стоит обращать внимания. Честно говоря, падре,— добродушно закончил он,— до сегодняшнего вечера мне в голову не приходило, что эта чепуха может иметь к нам с вами хоть какое-то отношение.

В падре Анхеле проглянуло что-то материнское.

— В определенном смысле — может,— ответил он.

И он приступил к подробному обоснованию своей позиции, используя уже готовые куски проповеди, которую он начал мысленно сочинять еще накануне, во время обеда у вдовы.

— Разговор идет, если так можно выразиться,— закончил он,— о случае морального террора.

Алькальд широко улыбнулся.

— Ну ладно, ладно, падре,— сказал он, почти перебивая священника,— не к чему разводить философию вокруг этой писанины.— И, поставив на стол недопитую бутылку, сказал так примирительно, как только мог: — Раз уж для вас это так важно, придется подумать, что тут можно сделать.

Падре Анхель поблагодарил его. Не очень приятно, объяснил он, подниматься в воскресенье на кафедру, когда ты обременен такой заботой, как эта. Алькальд старался понять его, но видел, что время уже позднее и что священник из-за него не ложится спать.

VII

Снова, словно воскрешая прошлое, зазвучала барабанная дробь. Она раздалась перед бильярдной в десять утра, и городок замер в неустойчивом равновесии, как будто она была его центром тяжести. Прозвучали три яростных заключительных удара, и тревога снова вступила в свои права.

— Смерть! — воскликнула вдова Монтель, видя, как распахиваются окна и двери и люди отовсюду бегут на площадь. — Пришла смерть!

Оправившись от первого потрясения, она отдернула занавески балкона и стала наблюдать давку вокруг полицейского, готовившегося обнародовать приказ.

Голос глашатая тонул в безмолвии, и, как ни вслушивалась вдова, приставив ладонь к уху, ей удалось разобрать всего два слова.

Никто в доме не мог ничего ей толком объяснить. Обнародование приказа сопровождалось обычным авторитарным ритуалом; новый порядок воцарился в мире, и вдова Монтель не могла найти никого, кто бы его понимал. Кухарку встревожила ее бледность:

— Что объявили?

— Это я и пытаюсь выяснить, но никто ничего не знает. Да что говорить, — горько добавила вдова, — с сотворения мира ни один приказ не приносил еще ничего хорошего.

Кухарка вышла на улицу и возвратилась с подробностями. Начиная с сегодняшнего вечера, до тех пор, пока не исчезнут причины, вызвавшие принятие этих мер, устанавливается комендантский час. С восьми вечера и до пяти утра никому не разрешается выходить на улицу без пропуска за подписью и с печатью алькальда. Полицейским приказано громко окликать три раза каждого, кто им встретится на улице, и в случае неповиновения стрелять. Алькальдом будут организованы из выбранных им самим граждан патрули, которые помогут полиции в ночных обходах.

Грызя ногти, вдова Монтель спросила, чем вызваны эти меры.

— В приказе ничего не сказано, — ответила кухарка, — но все говорят, что из-за листов.

— Чуяло мое сердце! — воскликнула повергнутая в ужас вдова. — У нас в городке поселилась смерть!

Она послала за сеньором Кармайклом и одновременно, повинувшись силе более глубокой и древней, нежели минутный порыв, велела достать из чулана и принести к ней в спальню кожаный чемодан с медными гвоздиками, купленный Хосе Монтелем за год до смерти для его единственного путешествия. Она вытащила из шкафа два или три платья, нижнее белье и туфли и сложила все в чемодан. Делая это, она почувствовала, что начинает обретать тот полнейший покой,

о котором столько раз мечтала, представляя себе, что она где-то далеко от дома и этого городка, в комнате с очагом и небольшой терраской, где в ящиках растет майоран, где только у нее есть право вспоминать о Хосе Монтелье, и одна забота — ждать вечера следующего понедельника, когда придут письма от дочерей.

Она сложила в чемодан самую необходимую одежду, ножницы в кожаном футляре, пластырь, пузырек йода, принадлежности для шитья, туфли в картонной коробке, четки и молитвенники — и ее уже мучила мысль, что она берет с собою больше вещей, чем бог будет готов ей простить. Она засунула в чулок гипсового святого Рафаила, осторожно уложила его между тряпок и заперла чемодан на ключ.

Когда появился сеньор Кармайкл, на ней было самое скромное из ее платьев. Сеньор Кармайкл пришел без зонта, что можно было истолковать как предзнаменование, но вдова этого даже не заметила. Она достала из кармана все ключи, каждый с биркой, где было напечатано на машинке, от чего этот ключ, и отдала ему, говоря:

— Отдаю в ваши руки грешный мир Хосе Монтелье. Поступайте с ним как хотите.

Сеньор Кармайкл уже давно со страхом ждал этого мгновения.

— Вы хотите сказать, — запинаясь, проговорил он, — что уедете куда-нибудь и подождете там, пока все это кончится?

Спокойно, но решительно вдова ответила:

— Я уезжаю навсегда.

Сеньор Кармайкл, стараясь не обнаружить своего беспокойства, коротко рассказал, как обстоят ее дела. Наследство Хосе Монтелье распродано не было. Юридическое положение многих статей его имущества, приобретенных второпях, самыми различными путями и без выполнения необходимых формальностей, оставалось неясным. До тех пор пока это хаотичное наследство, о котором сам Хосе Монтелье в последние годы своей жизни не имел даже приблизительного представления, не будет приведено в порядок, распродажа его невозможна. Необходимо, чтобы старший сын, занимающий пост консула в Германии, и две дочери, завороченные потрясениями мясными лавками Парижа, вернулись сами или назначили уполномоченных, чтобы те произвели оценку и установили их права. До этого продавать ничего нельзя.

Вспышка света, озарившая на мгновение лабиринт, в котором она плутала уже два года, не поколебала решимости вдовы Монтелье.

— Неважно, — сказала она. — Мои дети счастливы в Европе, и им нечего делать в этой, как они ее называют, стране дикарей. Если хотите, сеньор Кармайкл, можете собрать все, что найдете в этом доме, в один большой узел и бросить свиньям.

Спорить с нею сеньор Кармайкл не стал. Под предлогом, что надо приготовить кое-что для ее путешествия, он пошел за врачом.

— Вот теперь мы увидим, Гвардиола, какой ты патриот.

Парикмахер и еще несколько человек, разговаривавшие в парикмахерской, узнали алькальда еще до того, как увидели его в проеме двери.

— И вы тоже,— продолжал он, обращаясь к двум молодым людям.— Сегодня вечером вы получите винтовки, о которых так мечтали, и посмотрим, такие ли вы мерзавцы, чтобы повернуть их против нас.

Сердечность, с которой он произнес эти слова, не вызвала никаких сомнений.

— Лучше бы метлу,— отозвался, даже не удостоив его взглядом, парикмахер.— Для охоты за ведьмами нет лучшего оружия, чем метла.

Он брил затылок первого за это утро клиента и решил, что алькальд шутит. Только увидев, как тот выясняет, кто из присутствующих резервист и, следовательно, умеет обращаться с оружием, он понял, что и вправду оказался одним из избранных.

— Лейтенант, вы и в самом деле хотите втянуть нас в это? — осведомился он.

— Что за черт! — негодуя воскликнул алькальд.— Всю жизнь мечтают о винтовке и не верят, когда им ее наконец дают!

Он стал у парикмахера за спиной — оттуда он мог видеть в зеркало всех.

— Пошутили — и хватит, — тоном приказа продолжал он.— Сегодня в шесть часов резервистам первого призыва явиться в полицейский участок.

Парикмахер посмотрел на него в зеркало.

— А если я схвачу воспаление легких? — спросил он.

— Вылечим его в камере.

В бильярдной из музыкального автомата лилось душеспасительное болеро. В заведении не видно было ни души, но на нескольких столиках стояли недопитые бутылки и стаканы.

— Ну, докатились! — сказал дон Роке, увидев входящего алькальда.— Придется закрывать в семь.

Не останавливаясь, алькальд прошел в глубь помещения. За столиками для игры в карты тоже никого не было. Он заглянул в чулан, открыл дверь уборной, а потом пошел назад, к стойке. Проходя мимо бильярда, он внезапно поднял закрывавший его до пола кусок ткани и сказал:

— Довольно валять дурака.

Из-под бильярда, стряхивая с брюк пыль, вылезли двое юношей. Один из них был бледен; у другого, помоложе, горели уши. Алькальд отчески подтолкнул их в сторону выхода.

— Так не забудьте,— сказал он им.— Сегодня в шесть вечера в участке.

Дон Роке по-прежнему стоял за стойкой.

— Что ж, раз такое дело, придется заняться контрабандой.

— Это на два-три дня, — сказал алькальд.

На углу его догнал владелец кино.

— Мне только этого не хватало! — выкрикнул он. — Сначала колокол, а теперь еще и горн!

Алькальд похлопал его по плечу и попытался пройти мимо.

— Я вас экспроприрую, — сказал он.

— Не имеете права, — ответил владелец кинотеатра, — кино не подлежит конфискации в пользу государства.

— При чрезвычайном положении, — сказал алькальд, — может быть конфисковано и кино.

Только после этих слов он перестал улыбаться. Перескакивая через две ступеньки, алькальд взбежал по лестнице в полицейский участок и, едва оказавшись там, развел руками и захохотал.

— Черт подери! — воскликнул он. — И вы тоже!

В ленивой позе восточного властителя в шезлонге лежал директор цирка. Поглощенный своими мыслями, он курил трубку морского волка и, словно хозяин дома, взмахом руки пригласил алькальда сесть:

— Поговорим о делах, лейтенант.

Алькальд пододвинул стул и сел напротив. Взяв трубку в сверкающую разноцветными камнями руку, директор сделал какой-то непонятный жест.

— Могу я говорить с вами вполне откровенно?

Алькальд кивнул.

— Я это понял сразу, как только вас увидел, — вы еще тогда брились, — сказал директор. — Так вот, я разбираюсь в людях и понимаю, что для вас этот комендантский час...

Алькальд разглядывал его, явно предвкушая развлечение.

— ...в то время как для меня, который уже понес большие расходы, устанавливая шاپито, и должен кормить семнадцать человек и девять зверей, это просто катастрофа.

— И что же из этого следует?

— Я предлагаю, — сказал директор, — чтобы вы перенесли комендантский час на одиннадцать вечера, а выручку от вечернего представления мы с вами будем делить на двоих.

Алькальд сидел не шевелясь и по-прежнему улыбался.

— Очевидно, вам не трудно было найти в городке кого-то, кто сказал, что я мошенник.

— Это законная сделка, — запротестовал директор цирка.

Он не заметил мгновения, когда лицо у алькальда стало суровым.

— Поговорим об этом в понедельник, — неопределенно пообещал алькальд.

— К понедельнику я буду по уши в долгах,— сказал директор.— Мы очень бедны.

Похлопывая директора по плечу, алькальд повел его к лестнице.

— Расскажите кому-нибудь другому,— ответил он,— а я в ваших делах кое-что понимаю.

И уже у самой лестницы, словно желая утешить директора, добавил:

— Пришлите ко мне сегодня вечером Кассандру.

Директор цирка попытался обернуться, но рука на плече подталкивала его вперед слишком настойчиво.

— Разумеется,— сказал он.— Это не в счет.

— Пришлите ее,— повторил алькальд,— а завтра мы поговорим.

Кончиками пальцев сеньор Бенхамин толкнул дверь из проволочной сетки, но не вошел, а крикнул, подавляя раздражение:

— Окна, Нора!

Нора Хакоб, крупная, средних лет женщина с мужской стрижкой, лежала в полутемной гостиной, а напротив нее стоял электрический вентилятор. Она ждала сеньора Бенхамина к обеду. Услыхав его голос, Нора Хакоб с усилием поднялась и распахнула все четыре окна, выходящие на улицу. В гостиную хлынул зной. Комната была облицована кафельными плитками с одним и тем же стилизованным многоугольным павлином, повторявшимся бесчисленное множество раз, и обставлена мебелью в чехлах с цветочками — бедность с претензией на роскошь.

— Можно верить тому, что говорят люди? — спросила она.

— Они много чего говорят.

— Я о вдове Монтель,— объяснила Нора Хакоб.— Говорят, что она сошла с ума.

— По-моему, она сошла с ума давным-давно,— сказал сеньор Бенхамин. И с каким-то разочарованием в голосе добавил: — Да, это правда — сегодня утром она пыталась броситься с балкона.

На обоих концах стола, который был весь виден с улицы, стояло по прибору.

— Наказание господне,— сказала Нора Хакоб и хлопнула в ладоши, чтобы подавали обед. Вентилятор она принесла с собой в столовую.

— У нее в доме с утра полно людей,— продолжал сеньор Бенхамин.

— Удобный случай посмотреть, как там, внутри,— отозвалась Нора Хакоб.

Чернокожая девочка с россыпью красных бантиков в волосах подала дымящийся суп. Столовую наполнил запах вареной курицы, и духота стала невыносимой. Сеньор Бенхамин заправил за воротник салфетку, сказал: «Приятного аппетита» — и попытался поднести горячую ложку ко рту.

— Не дури, подуй, — нетерпеливо сказала она. — И пиджакними. С твоей боязнью закрытых окон мы помрем от жары.

— Нет уж, пусть остаются открытыми — тогда каждое мое движение будет видно с улицы, и мы не дадим пищи слухам.

В ослепительной улыбке, словно с рекламы искусственных зубов, она показала сургучного цвета десны.

— Не будь смешным! По мне, так пусть болтают что хотят.

Продолжая говорить, Нора Хакоб принялась наконец за суп.

— Вот если бы болтали про Монику, тогда бы я беспокоилась, — закончила она, имея в виду свою пятнадцатилетнюю дочь, ни разу, с тех пор как она уехала в пансион, не приезжавшую домой на каникулы. — А обо мне не могут сказать больше того, что и так уже все знают.

Сеньор Бенхамин не обратил к ней на этот раз обычного своего неодобрительного взгляда. Разделенные двумя метрами стола — самым коротким расстоянием, какое он себе позволял, особенно на глазах у людей, — они молча продолжали есть суп. Двадцать лет назад, когда она еще училась в пансионе, он писал ей длинные и соответствующие всем требованиям приличий письма, на которые она ему отвечала страстными записками. Как-то на каникулах, во время прогулки по полям, Нестор Хакоб, совершенно пьяный, подтащил ее за волосы к изгороди и категорически заявил: «Если ты не выйдешь за меня замуж, я тебя пристрелю». К концу каникул они обвенчались, а десятью годами позднее разошлись.

— Так или иначе, — сказал сеньор Бенхамин, — не следует будоражить закрытыми дверьми людское воображение.

После кофе он встал.

— Я пошел, а то Мина, наверно, беспокоится.

И уже в дверях, надевая шляпу, воскликнул:

— Не дом, а печка!

— Я же говорила тебе, — отозвалась Нора Хакоб.

Она проводила его взглядом до последнего окна, где он, словно благословляя ее, поднял в знак прощания руку. Тогда она отнесла вентилятор в спальню, закрыла дверь и разделась догола. Потом, как она делала каждый день после обеда, прошла в ванную комнату тут же за стенкой и, погруженная в свои мысли, села на унитаз.

Четыре раза в день видела она, как Нестор Хакоб проходит мимо ее дома. Все знали, что он живет с другой женщиной, что та родила ему четырех детей и что его считают безупречным отцом. Несколько раз за последние годы он проходил перед окнами ее дома с детьми, но ни разу с той женщиной. Она видела, как он худеет, становится бледным и старым и превращается в незнакомца, и теперь ей казалось невероятным, что когда-то она была с ним близка. Временами, коротая в одиночестве послеобеденные часы, Нора снова начинала с невыноси-

мой остротой желать его — не такого, каким он проходил теперь мимо ее окон, а такого, каким он был перед рождением Моники, когда его быстрая и скучная любовь стала для нее переносимой.

Судья Аркадио спал до самого полудня и узнал о приказе только в суде. Секретарь, однако, не находил себе места уже с восьми утра, когда алькальд велел ему подготовить текст приказа.

— Во всяком случае, — задумчиво сказал судья Аркадио, узнав подробности, — сформулировано слишком резко. Никакой необходимости в этом не было.

— Текст такой же, как всегда — обычный.

— Верно, — признал судья, — но времена изменились, и соответственно должны измениться формулировки. Люди, наверно, перепугались.

Однако, как он убедился позже в бильярдной за игрой в карты, господствовал не страх, скорее преобладало чувство торжества оттого, что подтвердилась тайная мысль всех: времена не изменились.

Выходя из бильярдной, судья Аркадио не сумел избежать встречи с алькальдом.

— Те, кто пишет листки, ничего не добились, — сказал судья. — Все равно люди довольны жизнью.

Алькальд взял его за локоть.

— Ничего против людей и не делается, — сказал он. — Обычная мера в таких случаях.

Эти разговоры на ходу приводили судью Аркадио в отчаянье. Алькальд шагал быстро, словно шел куда-то по срочному делу, и, только поколесив по городку, вспоминал, что спешить ему некуда.

— Надолго это не затянется, — продолжал он. — Не позднее воскресенья писатель будет у нас за решеткой. Не знаю почему, но мне кажется, что это женщина.

Судья Аркадио был другого мнения. Несмотря на пренебрежение, с каким он выслушивал информацию своего секретаря, судья пришел к заключению общего порядка: листки не может писать один человек. Непохоже было, чтобы их вывешивали по какому-то продуманному плану. А некоторые из наклеенных в последние дни представляли собой новую разновидность — рисунки.

— Возможно, что это не один мужчина и не одна женщина, — закончил судья Аркадио. — Возможно, это разные мужчины и разные женщины, и они действуют независимо друг от друга.

— Не усложняйте мне все, судья, — сказал алькальд. — Вы же знаете, что даже если приложили руку многие, виноват всегда один.

— Да, лейтенант, так говорил Аристотель, — подтвердил судья и убежденно добавил: — Во всяком случае, эта мера кажется мне несколько непродуманной. Те, кто наклеивает листки, просто подождут, пока отменят комендантский час.

— Не играет роли,— сказал алькальд.— Важно напомнить, что существует власть.

В полицейском участке уже собирались резервисты. Маленький дворик с высокими бетонными стенами в разводах запекшейся крови, в щербинках от пуль помнил времена, когда в камерах не хватало места и заключенные лежали прямо под открытым небом. Сейчас по коридорам бродили в одних трусах невооруженные полицейские.

— Ровира! — с порога крикнул алькальд.— Принеси ребятам выпить.

Полицейский начал одеваться.

— Рома? — спросил он.

— Не будь идиотом,— отозвался алькальд, проходя в бронированный кабинет.— Чего-нибудь прохладительного.

Резервисты курили, сидя под стенами дворика. Судья Аркадио перегнулся через перила второго этажа и поглядел на них.

— Добровольцы?

— Как же! — огрызнулся алькальд.— Пришлось из-под кроватей выволакивать, словно их тащили в участок за что-то.

Судья не видел ни одного лица, которое было бы ему знакомо.

— Да, можно подумать, будто их мобилизовала оппозиция.

Когда они открыли тяжелые стальные двери кабинета, оттуда потянуло холодом.

— Значит, будут хорошо драться,— улыбнулся алькальд, включая свет в своей персональной цитадели.

В углу стояла походная кровать, на стуле — графин со стаканом, а под кроватью — ночной горшок. К голым стенам были прислонены винтовки и автоматы. Свежий воздух поступал сюда только через две узкие и высокие бойницы, откуда просматривались набережная и две главные улицы. В противоположном конце комнаты стоял письменный стол, а рядом — сейф.

Алькальд набрал комбинацию цифр.

— Все это пустяки,— сказал он.— Я даже выдам им винтовки.

Полицейский вошел в кабинет и остановился у них за спиной. Алькальд дал ему денег и сказал:

— И еще возьми по две пачки сигарет на каждого.

Когда они остались одни, алькальд опять повернулся к судье Аркадио:

— Ну, что скажете?

Судья ответил задумчиво:

— Ненужный риск.

— Люди рот разинут от удивления,— сказал алькальд.— А эти несчастные мальчишки, по-моему, не догадываются, что им делать с винтовками.

— Возможно, какое-то время они будут растеряны,— допустил судья,— но продлится это недолго.

Он попытался подавить ощущение пустоты в желудке.

— Будьте осторожны, лейтенант,— словно размышляя вслух, сказал он.— Смотрите, чтобы не погубить все.

Алькальд с таинственным видом потянул его за собой к двери.

— Не трусьте, судья,— выдохнул он ему в ухо.— Патроны у них будут только холостые.

Когда они спустились во двор, там уже горел свет. Под грязными электрическими лампочками, о которые бились ночные мотыльки, резервисты пили фруктовую воду. Прохаживаясь по дворику, где после дождя еще стояли лужи, алькальд отеческим тоном рассказал им, в чем этой ночью будет состоять их миссия. Они станут по двое на углах главных улиц и должны будут стрелять в каждого, будь то мужчина или женщина, кто не остановится после трех громких предупреждений. Он призвал их быть выдержанными и смелыми. После полуночи им принесут поесть. Алькальд выразил надежду, что с божьей помощью все пройдет благополучно, а городок оценит это доказательство доверия со стороны властей.

Падре Анхель поднялся из-за стола, когда на башне как раз начало бить восемь. Он погасил в патио свет, запер дверь на засов и осенил треньник крестным знамением:

— Во имя отца и сына и святого духа.

Вдалеке, в чем-то патио, прокричала выпь.

Подремывая в прохладе галереи, где она лежала возле птичьих клеток, которые все были покрыты темными тряпками, вдова Асис услышала второй удар и, не открывая глаз, спросила:

— Роберто дома?

Прикорнувшая у двери служанка ответила, что он лег еще в восемь.

Незадолго до этого Нора Хакоб убавила звук приемника и наслаждалась нежной музыкой, доносившейся, казалось, из какого-то чистого и уютного места. Чей-то голос, очень далекий и будто ненастоящий, выкрикнул какое-то имя, и тогда залаяли собаки.

Зубной врач так и не дослушал последних известий. Вспомнив, что Анхела в патио разгадывает под лампочкой кроссворд, он, даже не выглянув в окно, крикнул:

— Запри дверь и иди в комнату!

Его жена вздрогнула и проснулась.

Роберто Асис, который и вправду лег в семь, поднялся посмотреть через приоткрытое окно на площадь, но увидел лишь темные миндальные деревья и погасшую через мгновение электрическую лампочку на балконе вдовы Монтель. Его жена включила ночник и шепотом велела мужу ложиться. Отзвучал пятый удар, но еще слышался некоторое время лай какой-то одинокой собаки.

В душной каморке, заставленной пустыми жестянками и пыльными пузырьками, храпел дон Лало Москоте. Очки у него были сдвинуты на лоб, а на животе лежала раскрытая газета. Его жена с парализованными ногами, дрожащая при одном воспоминании о других таких

же ночах, отгоняла тряпкой москитов, считая про себя удары часов. Еще некоторое время издалека доносились крики, лай собак и шум какой-то беготни, а потом все затихло.

— Не забудь положить кордиамин,— сказал доктор Хиральдо жене, укладывавшей в его чемоданчик, перед тем как лечь спать, самые необходимые медикаменты. В эту минуту они думали о вдове Монтель, которая теперь спала от люминала как мертвая.

Только дон Сабас после долгого разговора с сеньором Кармайклом забыл о времени. Он еще отвечивал у себя в конторе завтрак на следующий день, когда прозвучал седьмой удар и из спальни вышла, растрепанная, его жена.

Казалось, что вода в реке стоит неподвижно.

— В такую ночь...— пробормотал кто-то в темноте в то самое мгновение, когда прозвучал восьмой удар, гулкий, невозвратимый, и что-то, начавшее мигать за пятнадцать секунд до этого погасло.

Доктор Хиральдо закрыл книгу и подождал, пока совсем отзвучит сигнал трубы, возвещавший начало комендантского часа. Жена поставила чемоданчик на ночной столик, легла лицом к стене и погасила свою лампу. Врач раскрыл книгу снова, но читать не стал. Дыхание обоих было спокойно, будто они остались одни в городке, так сжато мертвой тишиной, что он, казалось, целиком влез в спальню.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем,— ответил врач.

Только в одиннадцать смог он сосредоточиться и снова вернуться к той странице, на которой остановился, когда начало бить восемь. Он загнул угол листа и положил книгу на ночной столик. Жена спала. Прежде бывало, что они не спали до рассвета, пытаясь определить, где и почему стреляют. Несколько раз им довелось услышать топот сапог и звяканье оружия у самого своего дома, и оба, сидя на постели, ждали: вот-вот на дверь обрушится град свинца. Много ночей, уже научившись различать бесконечное количество оттенков страха, они провели без сна, положив голову на подушку, набитую листовками. Однажды на рассвете они слышали перед дверью приемной тихие приготовления вроде тех, какие обычно предшествуют серенаде, а потом усталый голос алькальда: «Сюда не надо, этот ни во что не лезет».

Доктор Хиральдо погасил лампу и попытался заснуть.

Дождь начался после полуночи. Парикмахер и другой резервист, поставленные на углу набережной, покинули свой пост и укрылись под навесом лавки сеньора Бенхамина. Закурив сигарету, парикмахер оглядел при свете спички свою винтовку. Она была совсем новенькая.

— «Made in USA»,— прочитал он.

Второй резервист потратил несколько спичек, пытаясь найти марку

своего карабина, но это ему так и не удалось. С навеса упала на приклад карабина и разлетелась брызгами большая капля.

— Что за идиотизм,— пробурчал он, стирая ее рукавом плаща.— Торчим здесь с винтовками, мокнем под дождем.

В городке не слышно было ничего, кроме ударов капель по крышам.

— Нас девять,— сказал парикмахер.— Их семеро, считая алькальда, но трое сидят в участке.

— Я как раз об этом думал.

Их вырвал из темноты фонарик алькальда; стало видно, как они, присев на корточки у стены, пытаются уберечь оружие от капель дождя, дробинками рассыпающихся по их ботинкам. Они узнали его, когда он погасил фонарик и стал около них под навес. На нем был армейский плащ, а на груди у него висел автомат. С ним был полицейский. Поглядев на часы, которые носил на правой руке, алькальд приказал ему:

— Иди в участок и узнай, что там слышно насчет еды.

С такой же легкостью он отдал бы приказ стрелять. Полицейский исчез за стеной дождя. Алькальд присел рядом с ними.

— Какие новости? — спросил он.

— Никаких,— ответил парикмахер.

Другой, прежде чем закурить, предложил сигарету алькальду. Тот отказался.

— И надолго вы нас запрягли, лейтенант?

— Не знаю,— сказал алькальд.— Сегодня до конца комендантского часа, а утром будет видно.

— До пяти! — воскликнул парикмахер.

— Это надо же! — простонал другой.— Я на ногах с четырех утра.

Сквозь бормотанье дождя до них донесся злобный лай — где-то опять подрались собаки. Алькальд ждал, пока шум уляжется, и наконец собаки умолкли; только одна продолжала лаять по-прежнему. Алькальд с мрачным видом повернулся к резервисту.

— О чем вы говорите? Я половину жизни так провожу,— сказал он.— Сейчас прямо падаю от усталости.

— И хоть бы было ради чего,— заговорил парикмахер.— А то ведь ни в какие ворота не лезет. Несерьезная какая-то, бабья вся эта история.

— Мне тоже все больше и больше так кажется,— вздохнул алькальд.

Полицейский вернулся и сообщил, что еду не несут из-за дождя. Он добавил, что алькальда ждет в участке женщина, задержанная без пропуска.

Это была Кассандра. В комнатушке, которую освещала скудным светом балконная лампочка, она спала в шезлонге, закутавшись в прорезиненный плащ. Алькальд зажал ей пальцами нос; она застонала, рванулась и открыла глаза.

— Мне приснился сон,— сказала она.

Алькальд включил в комнате свет. Заслонив глаза руками, женщина как-то жалостно изогнулась, и, когда он взглянул на ее серебристые ногти и выбритую подмышку, у него сжалось сердце.

— Ну и нахал же ты,— сказала она.— Я здесь с одиннадцати.

— Я думал, ты придешь ко мне домой.

— У меня не было пропуска.

Ее волосы, за два дня до этого отливавшие медью, теперь были серебристо-серые.

— Я не сообразил,— улыбнулся алькальд и, повесив плащ, сел в кресло рядом.— Надеюсь, они не подумали, что это ты расклеиваешь бумажки.

К ней уже возвращалась непринужденность.

— К сожалению,— отозвалась она.— Обожаю сильные ощущения.

Внезапно ей показалось, что в этой комнате алькальд никогда не бывал и попал сюда совсем случайно. С какой-то беззащитностью похрустывая суставами пальцев, он выдавил из себя:

— Ты должна оказать мне одну услугу.

Она посмотрела на него вопросительно.

— Пусть это будет между нами,— продолжал алькальд.— Я хочу, чтобы ты погадала мне на картах. Ты можешь узнать, кто всем этим занимается?

Она отвернулась и, немного помолчав, сказала:

— Понимаю.

Алькальд добавил:

— Я делаю это прежде всего ради вас, циркачей.

Она кивнула.

— Я уже гадала,— сказала она.

Алькальд не мог скрыть нетерпения.

— Получилось очень странно,— с рассчитанным мелодрамматизмом продолжала она.— Карты были такие понятные, что мне стало страшно, когда я увидела их на столе.

Даже дышала она теперь театрально.

— Так кто же это?

— Весь городок — и никто.

VIII

На воскресную мессу приехали сыновья вдовы Асис. Кроме Роберта Асиса, их было семеро, и все, кроме него, словно были отлиты в одной форме: большие и неуклюжие, привычные к тяжелой работе,

слепо преданные и послушные своей матери. Роберто Асис, младший и единственный женившийся, был похож на братьев только утолщенной переносицей. Хрупкий здоровьем, с хорошими манерами, он заменил вдове Асис дочь, которая у нее так и не родилась.

На кухне, где семь Асисов разгружали вьючных животных, вдова расхаживала между кур со связанными лапами, овощей, сыров, темных хлебов и ломтей солонины, отдавая распоряжения служанкам. Когда снова воцарился порядок, она велела выбрать лучшее от всего для падре Анхеля.

Священник был поглощен бритьем. Время от времени он высовывал руки в патио, под дождь, и смачивал подбородок. Он уже заканчивал, когда две босоногие девочки, без стука распахнув дверь, вывалили перед ним несколько спелых ананасов, гроздь бананов, хлебы, сыр и поставили корзину овощей и свежих яиц.

Падре подмигнул им:

— Прямо как в сказке!

Младшая из девочек, вытаращив глаза, показала на него пальцем:

— Падре тоже бреются!

Старшая потянула ее к двери.

— А ты как думала? — улыбнулся падре.

И уже серьезно добавил:

— Мы тоже люди.

Он окинул взглядом рассыпанную на полу провизию и понял, что на такую щедрость способен только дом Асисов.

— Скажите мальчикам, — почти прокричал он, — что бог пошлет им за это здоровья!

За сорок лет, истекших со дня его посвящения в сан, падре Анхель так и не научился подавлять волнение, охватывавшее его перед службой. Кончив бриться, он убрал бритвенные принадлежности, собрал провизию, сложил ее под шкафчик для вина и, наконец, вытирая руки о сутану, вошел в ризницу.

В церкви было полно народу. Впереди, на двух ими же подаренных скамьях с медными табличками, где были выгравированы их имена, сидели Асисы с матерью и кормилицей. Когда они, впервые за последние несколько месяцев, все вместе входили в храм, казалось, что они въезжают туда на лошадях. Кристоаль, старший из Асисов, приехавший с пастбища за полчаса до мессы и даже не успевший побриться, был еще в ботинках со шпорами. Вид этого великана-горца как будто подтверждал общее, хотя и не опиравшееся на точные доказательства мнение, что Сесар Монтеро внебрачный сын старого Адальберто Асиса.

В звоннице падре ждал неприятный сюрприз: литургических облачений на месте не оказалось. Когда вошел служка, падре Анхель растерянно переворачивал содержимое ящиков, споря о чем-то мысленно с самим собой.

— Позови Тринидад,— сказал он служке,— и спроси, куда она засовала эпиграхиль.

Он забыл, что Тринидад с субботы хворает. Служка предположил, что она взяла с собой несколько вещей для починки. Тогда падре Анхель оделся в облачение, приберегаемое для погребальных служб. Сосредоточиться ему так и не удалось. Когда, взбудораженный, часто дыша, он поднялся на кафедру, он понял, что доводы, выношенные им в предшествующие дни, не покажутся здесь такими убедительными, какими казались в уединении комнаты.

Он говорил десять минут. Спотыкаясь о собственные слова, захваченный нахлынувшими мыслями, не вмещавшимися в готовые фразы, он увидел вдруг окруженную сыновьями вдову Асис так, как если бы они были изображены на старой-старой, поблекшей семейной фотографии. Только Ребека Асис, раздувавшая сандаловым веером жар своей роскошной груди, показалась ему живой и настоящей. Падре Анхель закончил проповедь, ни разу не упомянув прямо о листьях.

Вдова Асис какое-то время сидела, с тайным раздражением снимая и надевая обручальное кольцо, между тем как месса продолжалась. Потом она перекрестилась, встала и по главному проходу пошла к дверям. За ней, толкаясь и топая, последовали ее сыновья.

Вот в такое утро доктор Хиральдо однажды понял внутренний механизм самоубийства. Как и тогда, сегодня неслышно моросило, в соседнем доме пела иволга. Он чистил зубы, а его жена в это время говорила.

— Какие странные воскресенья,— сказала она, накрывая стол для завтрака.— Пахнут свежим мясом, будто их разделали и повесили на крюки.

Врач вставил лезвие в безопасную бритву и начал бриться. Веки у него были опухшие, глаза влажные.

— У тебя бессонница,— сказала жена и с мягкой горечью добавила: — Проснешься в одно из таких воскресений и увидишь, что состарился.

На ней был полосатый халат, а голова у нее была в папильотках.

— Сделай одолжение, помолчи,— сказал он.

Она пошла на кухню, поставила кофейник на огонь и стала ждать, чтобы он закипел. Услышала пение иволги, а через секунду зашумел душ. Она пошла в комнату приготовить для мужа чистую одежду. Когда она подала завтрак, доктор был уже совсем одет; в брюках цвета хаки и спортивной рубашке он показался ей немного помолодевшим.

Завтракали молча. Под конец он внимательно и с любовью посмотрел на нее. Она пила кофе, опустив голову, все еще обнаженная.

— Это из-за печени,— извинился он перед ней.

— Для грубости не может быть оправданий,— сказала она, по-прежнему не поднимая головы.

— Наверно, у меня отравление,— продолжал он.— Во время таких дождей печень разлагивается.

— Ты всегда говоришь об этом,— упрекнула она его,— но никогда ничего не делаешь. Если не будешь за собой следить, скоро настанет день, когда ты уже не сможешь себе помочь.

По-видимому, он был с нею согласен.

— В декабре,— сказал он,— пятнадцать дней проведем на море.

Сквозь ромбы деревянной решетки, отделявшей столовую от патио, словно подавленного нескончаемостью октября, доктор поглядел на дождь и добавил:

— А уж потом, самое меньшее четыре месяца, не будет ни одного такого воскресенья.

Она собрала тарелки и отнесла их на кухню, а вернувшись в столовую, увидела, что он, уже в шляпе, готовит чемоданчик.

— Так, значит, вдова Асис снова ушла из церкви? — сказал он.

Жена рассказала ему об этом, когда он еще собирался чистить зубы, но он тогда слушал ее невнимательно.

— Уже третий раз за этот год,— подтвердила она.— Видно, не могла придумать лучшего развлечения.

Врач обнажил свои безупречные зубы.

— Эти богачи сходят с ума.

У вдовы Монтъель он застал женщин — они зашли навестить ее по дороге из церкви. Врач поздоровался с теми, кто сидел в гостиной; их приглушенный смех провожал его до самой лестничной площадки. Подойдя к двери спальни, он услышал другие женские голоса. Доктор постучал, и один из этих голосов сказал:

— Войдите.

Вдова Монтъель сидела в постели, прижимая к груди край простыни. Волосы у нее были распущены, а на коленях лежали зеркало и роговой гребень.

— Так вы, значит, тоже собираетесь на праздник? — сказал врач.

— Она празднует свой день рождения — ей исполнилось пятнадцать лет,— сказала одна из женщин.

— Восемнадцать,— с грустной улыбкой поправила вдова и, снова вытянувшись в постели, подтянула простыню к подбородку.— И, конечно,— лукаво добавила она,— ни один мужчина не приглашен! А уж вы и подавно, доктор, это была бы дурная примета.

Доктор положил мокрую шляпу на комод.

— Вот и прекрасно,— сказал он, глядя на больную задумчиво-удовлетворенным взглядом.— Теперь я вижу, что мне здесь больше делать нечего.

А потом, повернувшись к женщинам и как будто извиняясь, спросил:

— Вы разрешите мне?..

Когда вдова осталась с ним наедине, страдальческое выражение лица, свойственное больным, вернулось к ней снова. Однако врач, казалось, этого не замечал. Выкладывая предметы из чемоданчика на ночной столик, он все время шутил.

— Прошу вас, доктор,— сказала вдова,— не надо уколов. Я уже как сито.

— Для прокорма врачей,— улыбнулся доктор,— лучше уколов еще ничего не придумано.

Теперь заулыбалась и вдова.

— Честное слово,— сказала она, ощупывая через простыню ягодицы,— здесь сплошная рана. Я даже дотронуться не могу.

— А вы и не дотрагивайтесь,— сказал врач.

Она рассмеялась.

— Доктор, можете вы быть серьезным хотя бы по воскресеньям? Врач оголил ей руку, чтобы измерить кровяное давление.

— Доктор не велит,— сказал он,— вредно для печени.

Пока он измерял давление, вдова с детским любопытством разглядывала круглую шкалу тонометра.

— Самые странные часы, какие я видела в своей жизни,— заметила она.

Наконец, перестав сжимать грушу, доктор оторвал взгляд от стрелки.

— Только они показывают точно, когда можно вставать с постели,— сказал он.

Закончив все и уже сматывая трубки аппарата, он пристально посмотрел в лицо больной, а потом, поставив на столик флакон белых таблеток, сказал, чтобы она принимала по одной каждые двенадцать часов.

— Если не хотите больше уколов,— добавил он,— уколов не будет. Вы здоровей меня.

Вдова Монтель с легким раздражением передернула плечами.

— У меня никогда ничего не болело,— сказала она.

— Берю,— отозвался врач,— но ведь должен был я придумать что-нибудь в оправдание счета.

Ничего не ответив на это, вдова спросила:

— Я еще должна лежать?

— Наоборот,— сказал врач,— я это строго вам запрещаю. Спусти-тесь в гостиную и принимайте визитерш как полагается. К тому же,— иронически добавил он,— вам о стольких вещах надо поговорить!

— Ради бога, доктор,— воскликнула она,— не будьте таким насмешником! Наверно, это вы наклеиваете листки.

Доктор захохотал. Выходя, он остановил взгляд на кожаном чемодане с медными гвоздиками, стоявшем наготове в углу спальни.

— И привезите мне что-нибудь на память,— крикнул он, уже перешагивая порог,— когда вернетесь из своего кругосветного путешествия!

Вдова, снова занявшаяся расчесыванием волос, ответила:

— Непременно, доктор!

Так и не спустившись в гостиную, она оставалась в постели до тех пор, пока не ушла последняя визитерша. Только после этого она оделась. Когда пришел сеньор Кармайкл, вдова сидела у приоткрытой двери балкона и ела.

Не отрывая взгляда от щели, она ответила на его приветствие.

— Если разобраться,— сказала вдова,— эта женщина мне нравится: она смелая.

Теперь и сеньор Кармайкл смотрел на дом вдовы Асис. Хотя было уже одиннадцать, окна и двери по-прежнему оставались закрытыми.

— Такая у нее природа,— сказал он.— Она создана рожать мальчиков, так что иной и не могла быть.— И добавил, повернувшись снова к вдове Монтель: — А вы тоже цветете прямо как роза.

Сеньору Кармайклу показалось, что свежестью своей улыбки она подтверждает его слова.

— Знаете что? — спросила вдова и, не дожидаясь, пока он справится со своей нерешительностью, продолжала: — Доктор Хиральдо убежден, что я сумасшедшая.

— Что вы говорите!

Вдова кивнула.

— Я не удивлюсь,— сказала она,— если он уже обсуждал с вами, как отправить меня в психиатрическую больницу.

Сеньор Кармайкл не знал, как ему выйти из этого затруднительного положения.

— Все утро я просидел дома.

И он рухнул в мягкое кожаное кресло рядом с кроватью. Вдова вспомнила Хосе Монтеля в этом же кресле за пятнадцать минут до смерти, сраженного, как молнией, кровоизлиянием в мозг.

— В таком случае,— отозвалась она, стряхивая с себя дурное воспоминание,— он, может быть, зайдет к вам во второй половине дня.

И, меняя тему, с ясной улыбкой спросила:

— Вы говорили с моим кумом Сабасом?

Сеньор Кармайкл утвердительно кивнул головой.

Да, в пятницу и субботу он прощупывал дон Сабаса, пытаясь выяснить, как бы тот реагировал на распродажу наследства Хосе Монтеля. Дон Сабас — такое осталось у сеньора Кармайкла впечатление,— судя по всему, не против покупки.

Вдова выслушала это, не обнаруживая никаких признаков нетерпения. Если не в ближайшую среду, то в следующую, со спокойной рассудительностью допускала она, но все равно — еще до того, как кончится октябрь, она обязательно уедет.

Молниеносным движением левой руки алькальд вырвал из кобуры револьвер. Все мышцы его тела были напряжены готовностью к выстрелу, когда, проснувшись окончательно, он узнал судью Аркадио.

— Черт!

Судья Аркадио остолбенел.

— Чтобы больше этого не было! — крикнул алькальд и, засунув револьвер обратно, опять повалился в брезентовый шезлонг. — Когда я сплю, слух у меня еще острее!

— Дверь была открыта, — сказал судья.

Алькальд забыл закрыть ее, когда возвращался на рассвете. Он тогда был такой усталый, что, плюхнувшись в шезлонг, тут же заснул.

— Который час?

— Скоро двенадцать, — ответил судья Аркадио дрогнувшим голосом.

— До смерти спать хочется, — пожаловался алькальд.

Когда он, потягиваясь, широко зевнул, ему показалось, будто время стоит на месте. Несмотря на все его старания, несмотря на все бессонные ночи, листки по-прежнему появлялись. Этим утром он увидел бумажку на двери своей спальни: «Лейтенант, не стреляйте из пушек по воробьям!» На улицах говорили вслух, что листки расклеивают развлечения ради сами патрульные. Городок — алькальд был в этом уверен — помирал со смеху.

— Просыпайтесь, — сказал судья Аркадио, — и пойдемте съедем что-нибудь.

Однако алькальд голода не чувствовал и хотел поспать еще часок и принять ванну, тогда как судья Аркадио, выбритый, свежий, уже возвращался домой обедать. Проходя мимо дома алькальда и видя, что дверь открыта, он зашел попросить для себя пропуск, чтобы иметь возможность ходить по улицам после наступления комендантского часа.

Алькальд сразу сказал:

— Нет. — И наставительно добавил: — Вам приличней спать у себя дома.

Судья Аркадио закурил сигарету и, остановив взгляд на пламени спички, не зная, что сказать в ответ, стал ждать, чтобы обида улеглась.

— Не обижайтесь, — продолжал алькальд. — Честное слово, я был бы рад оказаться на вашем месте — ложиться в восемь вечера и вставать когда захочу.

— Кто в этом сомневается? — сказал, не скрывая иронии, судья. И добавил: — Только этого мне не хватало — нового папаши в тридцать пять лет.

Он отвернулся и стал разглядывать готовое пролиться дождем небо. Алькальд упорно молчал. Потом резко окликнул:

— Судья!

Судья Аркадио повернулся к нему, и их взгляды встретились.

— Я вам не дам пропуска. Понятно?

Судья прикусил сигарету и хотел было что-то сказать, но промолчал.

Алькальд слушал, как он медленно спускается по лестнице, и вдруг крикнул:

— Судья!

Ответа не последовало.

— Мы остаемся друзьями! — крикнул алькальд.

Он не получил ответа и на этот раз.

Алькальд стоял, перегнувшись через перила, и ждал ответа судьи Аркадио, пока не закрылась наружная дверь и он не остался опять наедине со своими воспоминаниями. Уже не пытаясь заснуть, он мучился от бессонницы. Он застрял, увяз в этом городке, и теперь, спустя много лет после того, как он взял его судьбы в свои руки, городок этот по-прежнему оставался далеким и непостижимым. В то утро, когда со старым, обвязанным веревками картонным чемоданом и приказом подчинить себе городок любой ценой он сошел, воровато озираясь, на берег, ужас испытывал он сам. Единственной его надеждой было письмо к неведомому стороннику правительства, который, как его предупредили, будет сидеть на другой день в трусах у дверей крупорушки. Благодаря его советам и беспощадности трех наемных убийц, прибывших в городок тем же баркасом, цель была достигнута. Сегодня, однако, хотя он и не замечал невидимой паутины, которой его оплело время, достаточно было бы одного мгновенного озарения — и он бы задумался над тем, кто же кого на самом деле себе подчинил.

Возле двери балкона, по которому хлестал дождь, он продремал с открытыми глазами до начала пятого. Потом встал, умылся, надел военную форму и спустился в гостиницу поесть. Совершил обычную проверку полицейского участка, а потом оказалось вдруг, что он стоит на каком-то углу, засунув руки в карманы, и не знает, чем бы еще заняться.

Уже вечерело, когда он, по-прежнему держа руки в карманах, вошел в бильярдную. Хозяин приветствовал его из глубины пустого заведения, но алькальд не удостоил его ответом.

— Бутылку минеральной, — сказал он.

В холодильнике загремели передвигаемые бутылки.

— На днях, — пошутил хозяин бильярдной, — холодильник придется оперировать, и тогда станет видно, что в печени у него полно пузырьков.

Алькальд посмотрел на стакан, сделал глоток, рыгнул, так и остался сидеть, облокотившись на стойку, не отрывая глаз от стакана, и рыгнул снова. На площади не видно было ни души.

- Почему так? — спросил алькальд.
— Сегодня воскресенье, — напомнил хозяин.
— А!

Он положил на стойку монету и, не попрощавшись, вышел. На углу площади кто-то, шедший такой походкой, словно волочил за собой огромный хвост, пробормотал что-то непонятное, и только чуть позже алькальд начал осмысливать сказанное. Охваченный смутным беспокойством, он снова зашагал к полицейскому участку, в несколько прыжков поднялся по лестнице и вошел внутрь, не обращая внимания на толпящийся в дверях народ.

Навстречу ему шагнул полицейский. Он протянул алькальду бумажный лист, и тому достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, о чем идет речь.

- Разбрасывал на петушиной арене, — сказал полицейский.

Алькальд бросился в глубь коридора, открыл дверь первой камеры и, держась за щеколду, стал вглядываться в полумрак. Наконец он разглядел там юношу лет двадцати, в шапочке бейсболиста и в очках с толстыми стеклами. Лицо его, угрюмое, с заостренными чертами, было в крапинах осып.

- Как тебя зовут?
— Пепе.
— Дальше как?
— Пепе Амадор.

Алькальд смотрел на него, словно пытаясь что-то вспомнить. Юноша сидел на бетонном возвышении, заменявшем заключенным кровать. Не обнаруживая никакого беспокойства, он снял очки, протер их краем рубашки и, щурясь, посмотрел на алькальда.

- Где я тебя видел? — спросил алькальд.
— Здесь, — ответил Пепе Амадор.

Алькальд по-прежнему стоял, не переступая порога камеры. Потом, все так же задумчиво глядя на арестованного, начал не спеша закрывать дверь.

- Ну что же, Пепе, — сказал он, — по-моему, ты допрыгался.

Заперев дверь, он опустил ключ в карман, вошел в служебное помещение и там перечитал листовку несколько раз.

Сидя у открытой двери балкона, он убивал ладонью moskitov, а на безлюдных улицах в это время загорались фонари. Он знал эту тишину сумерек: когда-то, в такой же самый вечер, он впервые испытал во всей полноте ощущение власти.

- Значит, снова, — сказал он вслух.

Снова. Как и прежде, они были отпечатаны на стеклографе на обеих сторонах листа, и их можно было бы узнать где и когда угодно по неуловимому налету тревоги, оставляемому подпольем.

Он долго раздумывал в темноте, складывая и разгибая бумажный лист, прежде чем принять решение. Наконец он сунул листовку в карман, и там его пальцы наткнулись на ключи от камеры.

— Ровира! — позвал он.

Его самый доверенный полицейский вынырнул из темноты. Алькальд протянул ему ключи.

— Займись этим парнем, — сказал он. — Постарайся уговорить его назвать тех, кто доставляет к нам пропагандистские листовки. Не удастся добром — добивайся по-другому.

Полицейский напомнил, что вечером он дежурит.

— Позабудь об этом, — сказал алькальд. — До нового приказа не занимайся больше ничем. И вот что, — добавил он так, словно его осенила вдруг блестящая мысль, — отправь-ка этих, во дворе, по домам. Сегодня ночью патрулей не будет.

Он вызвал в бронированную канцелярию трех полицейских, по его приказу сидевших все это время без дела в участке, и велел им надеть форменную одежду, хранившуюся у него в шкафу под замком. Пока они переодевались, он сгреб со стола холостые патроны, которые давал патрульным в предшествующие вечера, и достал из сейфа горсть боевых.

— Сегодня ночью патрулировать будете вы, — сказал он, проверяя винтовки, чтобы дать полицейским самые лучшие. — Не делайте ничего, но пусть люди знают, что вы на улице.

Раздав патроны, он предупредил:

— Но смотрите — первого, кто выстрелит, поставлю к стенке.

Алькальд дождался ответа. Его не последовало.

— Понятно?

Все трое — два ничем не примечательных метиса и гигантского роста блондин с прозрачными голубыми глазами — выслушали последние слова алькальда, укладывая патроны в патронташи. Они вытянулись.

— Понятно, господин лейтенант.

— И вот еще что, — добавил уже неофициальным тоном алькальд. — Сейчас Асисы в городке, и вы, может статься, встретите кого-нибудь из них пьяным и он полезет на рожон. Так вы с ним не связывайтесь — пусть идет своей дорогой.

Алькальд снова дождался ответа, но его не последовало и на этот раз.

— Понятно?

— Понятно, господин лейтенант.

— Вот так-то, — заключил алькальд. — А ухо держать востро.

Запирая церковь после службы, которую он начал на час раньше, чтобы успеть закончить до сигнала трубы, падре Анхель почувствовал запах падали. Вонь появилась и исчезла, так и не заинтересовав его, но позднее, когда он поджаривал ломтики зеленых бананов и подогревал молоко к ужину, падре понял ее причину: Тринидад заболела, и с субботы никто не выбрасывает дохлых мышей. Он вернулся в храм, очистил мышеловки и отправился к Мине, жившей метрах в двухстах от церкви.

Дверь ему отворил сам Тото Висбаль. В маленькой полутемной гостиной, в которой стояли где попало табуретки с обитыми кожей сиденьями, а стены были увешаны литографиями, мать и слепая бабушка Мины пили из чашек какой-то горячий ароматный напиток. Мина делала искусственные цветы.

— Уже прошло пятнадцать лет, падре,— сказала слепая,— как вы последний раз были у нас в доме.

Это и вправду было так. Каждый день проходил он мимо окна, у которого сидела и делала бумажные цветы Мина, но в дом не заходил никогда.

— Как летит время,— сказал падре, а потом, давая понять, что торопится, повернулся к Тото Висбалью.— Хочу попросить вас о любезности: пусть Мина с завтрашнего дня последит за мышеловками. Тринидад,— объяснил он Мине,— с субботы больна.

Тото Висбаль не возражал.

— Только время тратить попусту,— вмешалась слепая.— Все равно в этом году конец света.

Мать Мины положила старухе на колено руку, чтобы та замолчала, однако слепая ее руку сбросила.

— Бог наказывает суеверных,— сказал священник.

— Написано,— не унималась слепая,— кровь потечет по улицам, и не будет силы человеческой, которая сможет ее остановить.

Падре обратил к ней полный сострадания взгляд. Она была очень старая, страшно бледная, и казалось, что ее мертвые глаза проникают в самую суть вещей.

— Будем тогда купаться в крови,— пошутила Мина.

Падре Анхель повернулся к ней и увидел, как она с иссиня-черными волосами и такая же бледная, как ее слепая бабушка, вынырнула из облака лент и разноцветной бумаги. Она казалась аллегорической фигурой из живой картины на какой-нибудь школьной вечеринке.

— Воскресенье, а ты работаешь,— упрекнул он ее.

— Я уж ей говорила,— снова вмешалась слепая.— Дождь из горячего пепла просыплется на ее голову.

— Бог труды любит,— с улыбкой сказала Мина.

Падре по-прежнему стоял, и Тото Висбаль, пододвинув табуретку, снова предложил ему сесть. Он был щедедушный, с суетливыми от робости движениями.

— Спасибо,— отказался падре Анхель,— я спешу, а то комендантский час застанет меня на улице.

И, обратив наконец внимание на воцарившуюся в городке мертвую тишину, добавил:

— Можно подумать, что уже больше восьми.

Только сказав это, он понял: после того как камеры пустовали

почти два года, Пепе Амадор опять за решеткой, а городок снова на милости трех убийц. Поэтому люди уже с шести сидят по домам.

— Странно,— казалось, падре Анхель разговаривает сам с собой.— В такое время, как теперь,— да это просто безумие!

— Рано или поздно это должно было случиться,— сказал Тото Висбаль.— Страна расплывается по швам.

Он проводил падре до двери.

— Листовки видели?

Падре остолбенел.

— Снова?

— В августе,— заговорила слепая,— наступят три дня тьмы.

Мина протянула старухе начатый цветок.

— Замолчи,— сказала она,— и кончи вот это.

Слепая ощущала цветок и стала доделывать его, продолжая в то же время прислушиваться к голосу священника.

— Значит, опять,— сказал падре.

— Уже с неделю как появились,— сказал Тото Висбаль.— Одна оказалась у нас, и неизвестно, кто ее подсунул. Сами знаете, как это бывает.

Священник кивнул.

— Там написано: как было, так все и осталось,— продолжал Тото Висбаль.— Пришло новое правительство, обещало мир и безопасность для всех, и сначала все ему поверили. Но чиновники остались такими же, как были.

— А разве неправда? — сказала мать Мины.— Снова комендантский час, и опять эти три убийцы на улице.

— Обо все этом написано,— подала голос слепая.

— Чепуха какая-то,— задумчиво сказал падре.— Ведь положение теперь другое. Или по крайней мере,— поправил он себя,— было другим до сегодняшнего вечера.

Прошло несколько часов, прежде чем он, лежа без сна в духоте москитной сетки, спросил себя, не стояло ли время на месте в течение всех девятнадцати лет, которые он провел в этом приходе. Перед своим домом он слышал топот сапог и звон оружия, предшествовавшие в другие времена винтовочным выстрелам. Только на этот раз топот стал слабеть, вернулся через час и удалился снова, а выстрелы так и не прозвучали. Немного позже, измученный бессонницей и жарой, он понял, что уже давно поют петухи.

IX

Матео Асис попытался установить по крикам петухов, который час. Наконец его, словно на волне, вынесло в явь.

— Сколько времени?

Нора Хакоб протянула в полутьме руку и взяла с ночного столика

часы со светящимся циферблатом. Ответ, который она должна была дать, разбудил ее совсем.

— Полпятого, — сказала она.

— Дьявол!

Матео Асис соскочил с постели, однако головная боль и металлический вкус во рту заставили его умерить стремительность своих движений. Он нащупал в темноте ногами ботинки.

— Еще чуть-чуть, и меня бы застал рассвет, — сказал он ей.

— Вот бы хорошо было, — отозвалась она и, включив ночник, снова увидела его знакомый хребет с выступающими позвонками и бледные ягодицы. — Тогда тебе пришлось бы просидеть здесь до завтра.

Она была совсем нагая, край простыни едва прикрывал ее пах. При свете лампы голос ее терял свое спокойное бесстыдство.

Матео Асис обулся. Он был высокий и плотный. Нора Хакоб, уже два года принимавшая его от случая к случаю, мучилась от необходимости молчать о мужчине, который казался ей созданным для того, чтобы женщина о нем рассказывала.

— Ты растолстеешь, если не будешь за собой следить, — сказала она. — Если бы мужчины рожали, они бы не были такие бесчувственные.

Он прошел в ванную и помылся, стараясь не вдыхать воздух глубоко — любой запах сейчас, на рассвете, был ее запахом. Когда он вернулся, она уже сидела на постели.

— Как-нибудь на днях, — сказала Нора Хакоб, — мне надоеет играть в прятки, и я расскажу всем обо всем.

Он взглянул на нее только когда оделся совсем. Она вспомнила о своих отвислых грудях и, продолжая говорить, подтянула простыню к подбородку.

— Не верю, что придет время, — сказала она, — когда мы сможем позавтракать в постели и остаться в ней до вечера. В пору вывесить самой на себя листок.

Матео Асис весело рассмеялся.

— Старый Бенхаминсито тогда умрет, — сказал он. — Кстати, как он поживает?

— Представь себе — ждет, чтобы умер Нестор Хакоб.

Она увидела, как он уже в дверях поднял в знак прощания руку.

— Постарайся приехать на сочельник, — сказала она.

Он обещал, а потом пересек на цыпочках патио и вышел на улицу. Его кожу смочило несколько мелких холодных капель. На площади его остановил окрик:

— Руки вверх!

Перед глазами вспыхнул свет карманного фонарика. Он отвернул лицо в сторону.

— Фу ты, черт! — выругался невидимый за светом алькальд. — Поглядите только, кого мы встретили! Сюда или отсюда?

Он погасил фонарик, и Матео Асис увидал алькальда и трех полицейских. Алькальд был свежевыбритый и умытый, и на груди у него висел автомат.

— Сюда,— сказал Матео Асис.

Чтобы разглядеть время на своих часах, алькальд подошел поближе к фонарному столбу. До пяти оставалось десять минут. Безмолвным взмахом руки он подал знак полицейским прервать комендантский час и стал ждать, пока замрет сигнал трубы, внесший в рассвет печальную ноту.

Прощавшись с полицейскими, он пошел вместе с Матео Асисом через площадь.

— Ну все,— сказал он.— С писаниной покончено.

Усталости в его голосе было больше, чем удовлетворения.

— Поймали?

— Нет еще,— ответил алькальд.— Но я только что закончил последний обход и могу сказать, что сегодня впервые за все время не наклеили ни одного листка. Достаточно было припугнуть.

Когда они были уже у двери, Матео Асис прошел вперед, чтобы привязать собак. В кухне потягивалась и зевала прислуга. Алькальда встретил лай рвущихся с цепи собак, сменившийся через секунду мирными прыжками и сопением умолкнувших псов.

Когда появилась вдова Асис, они пили кофе, сидя на перилах галереи около кухни. Уже рассветало.

— Полночник,— сказала вдова,— будет хорошим отцом семейства, но никогда не будет хорошим мужем.

Несмотря на шутку, лицо ее не могло скрыть следов мучительного и долгого бодрствования. Ответив на приветствие, алькальд подобрал автомат с пола и повесил его через плечо.

— Пейте сколько хотите кофе, лейтенант,— сказала вдова,— но ружей мне в дом не приносите.

— Наоборот,— улыбнулся Матео Асис,— тебе самой надо попросить у него ружье, чтобы ты могла пойти к мессе.

— Я и без этой палки могу себя защитить,— отозвалась вдова.— Божественное провидение с нами. Мы, Асисы, верили в бога еще тогда, когда на много лиг вокруг не было ни одного священника.

Алькальд встал и попрощался.

— Надо выспаться,— сказал он,— такая жизнь не для христиан.

Он пошел, лавируя между утками, курами и индюками, постепенно заполнявшими патио. Вдова погнала птиц прочь. Матео Асис пошел в спальню, принял ванну, переоделся и вышел седлать мула. Его братья уехали еще на рассвете.

Когда он снова появился в патио, вдова Асис возилась с клетками.

— Не забывай,— сказала она,— беречь свою шкуру одно, но допускать панибратство — совсем другое.

— Он зашел только выпить кофе,— стал оправдываться Матео Асис.— Мы шли и разговаривали, и я даже не заметил, как пришли к дому.

Стоя в конце галереи, он смотрел на мать, однако она, заговорив снова, к нему не повернулась. Казалось, что она обращается к птицам.

— Больше я говорить с тобой об этом не стану,— сказала она.— Не приводи ко мне в дом убийц.

Покончив с клетками, она посмотрела в упор на сына:

— А где, интересно, околачивался ты?

Этим утром дурные предзнаменования мерещились судье Аркадио в самых обычных и малозначительных событиях дня.

— Даже голова заболела,— сказал он, пытаясь описать жене овладевшее им беспокойство.

Утро было солнечное. Река впервые за несколько недель перестала казаться угрожающей и пахнуть невыделанными кожами. Судья Аркадио отправился в парикмахерскую.

— Правосудие,— встретил его парикмахер,— хоть и хромает, но приходит.

Пол был до блеска натерт мастикой, а зеркала начищены свинцовыми белилами. Пока судья усаживался, парикмахер начал протирать их тряпкой.

— Понедельников не должно быть на свете,— сказал судья.

Парикмахер начал его стричь.

— Во всем виноваты воскресенья,— сострил он.— Не будь воскресений, не было бы и понедельников.

Судья Аркадио закрыл глаза. На этот раз, после двенадцатичасового сна, бурного акта любви и долгого пребывания в ванне, ему не в чем было упрекнуть воскресенье. Однако понедельник выдался тяжелый. Теперь, когда часы на башне кончили бить девять и слышно было только постукивание швейной машины в соседнем доме, судью Аркадио бросило в дрожь от нового предзнаменования — безмолвия улиц.

— Призрак какой-то, а не городок,— сказал он.

— Как вы хотели, чтобы было, так и стало,— отозвался парикмахер.— К этому часу по понедельникам у меня всегда бывало пострижено не меньше пяти клиентов, а сегодня вы первый.

Судья Аркадио открыл глаза и бросил взгляд на отраженную в зеркале реку.

— «Вы»...— повторил он вслед за парикмахером и спросил: — А кто это «мы»?

— Вы,— неуверенно сказал парикмахер.— До вас наш городок был такой же дерьмовый, как остальные, а сейчас он стал хуже остальных.

— Ты говоришь мне это, — возразил судья, — только потому, что знаешь: я ко всем этим делам не имел никакого отношения. Осмелился бы ты, — без всякого раздражения спросил он, — сказать это же самое лейтенанту?

Парикмахер признал, что не осмелился бы.

— Вы не знаете, — сказал он, — что такое подниматься каждое утро и ждать, что сегодня тебя убьют, и так проходит десять лет — ты ждешь, а тебя все не убивают.

— Не знаю, — подтвердил судья Аркадио, — и знать не хочу.

— Делайте все, что в ваших силах, — сказал парикмахер, — чтобы не узнать этого никогда.

Судья опустил голову, а потом, после долгого молчания, спросил:

— Знаешь, что я тебе скажу, Гвардиола? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Лейтенант пускает в городке корни. И пускает их с каждым днем все глубже, потому что открыл для себя удовольствие, от которого, когда его узнаешь, невозможно отказаться: мало-помалу и без шума он богатеет.

Парикмахер помолчал, и судья Аркадио заговорил снова:

— Готов поспорить, что больше на его счету не будет ни одного убитого.

— Вы так думаете?

— Ставлю сто против одного, — сказал судья. — Мир для него сейчас всего выгоднее.

Парикмахер перестал стричь, подвинул кресло назад и, не говоря ни слова, сменил простыню. Когда он наконец заговорил, голос его звучал немного удивленно.

— Странно, что это говорите вы, — сказал он, — и еще более странно, что вы говорите это мне.

Если бы судье Аркадио позволила его поза, он пожал бы плечами.

— Я говорю это уже не в первый раз, — заметил он.

— Но ведь лейтенант ваш лучший друг, — сказал парикмахер.

Он говорил, понизив голос, и голос его звучал теперь напряженно и доверительно. Казалось, что парикмахер поглощен работой, а выражение лица у него было как у малограмотного человека, ставящего свою подпись.

— Скажи мне, пожалуйста, Гвардиола, — значительно спросил судья, — что ты обо мне думаешь?

Парикмахер, уже начавший его брить, помедлил, прежде чем ответить.

— До этого разговора я думал, что вы человек, который знает, что уйдет, и хочет уйти.

— Думай так и впредь, — улыбнулся судья.

Он дал побрить себя с таким же мрачным безразличием, с каким позволил бы себя обезглавить. Пока парикмахер тер ему подбородок квасцами, пудрил его и чистил ему одежду мягкой щеткой, глаза

судьи Аркадио оставались закрытыми. Снимая с него простыню, парикмахер, словно невзначай, сунул ему в карман рубашки сложенный лист бумаги.

— Только в одном вы ошибаетесь, судья, — сказал он. — У нас в стране еще будет заваруха.

Судья Аркадио огляделся — ему хотелось удостовериться в том, что они в парикмахерской по-прежнему одни. Палящее солнце, постукивание швейной машинки в тишине позднего утра и неумолимый понедельник вызывали у него такое чувство, будто они с парикмахером одни в городке. Он вытащил из кармана засунутый туда лист и стал читать.

Парикмахер, повернувшись к нему спиной, наводил порядок на столике.

— «Два года обещаний, — процитировал он по памяти. — И все то же чрезвычайное положение, та же цензура, те же чиновники».

Увидев в зеркале, что судья Аркадио все прочитал, он сказал ему:

— Передайте другому.

Судья Аркадио снова спрятал листовку в карман.

— А ты смелый!

— Если бы я хоть раз в ком-нибудь ошибся, — сказал парикмахер, — меня бы уже давным-давно продырявили. — А потом, став совсем серьезным, добавил: — Смотрите, судья: никому ни слова!

Выйдя из парикмахерской, судья Аркадио почувствовал, что во рту у него совсем пересохло. Он попросил в бильярдной две двойные порции крепкого и, выпив их одну за другой, понял, что времени впереди у него еще много. Как-то в страстную субботу, еще в университете, он, чтобы воспитать в себе силу воли, прибегнул к крайнему средству: совершенно трезвый, зашел в уборную какого-то бара, посыпал себе порошком шанкр и поджег.

Когда он попросил четвертую двойную порцию, дон Роке налил ему меньше.

— Если вы будете двигаться такими темпами, — улынулся хозяин заведения, — вас, как тореадора, придется выносить на плечах.

Судья Аркадио тоже улынулся, но одними губами — глаза его оставались потухшими. Через полчаса он пошел в уборную, помочился и, перед тем как выйти, скомкал листовку, и бросил ее в дыру.

Вернувшись к стойке, он увидел рядом со своим стаканом бутылку, на которой чернилами был отмечен уровень жидкости.

— Это я сделал специально для вас, — сказал дон Роке, лениво обмахиваясь веером.

Они были одни в заведении. Судья Аркадио налил себе полстакана и не спеша начал пить.

— Знаете что? — сказал он.

Не поняв, слышит его дон Роке или нет, судья Аркадио продолжал:

— Еще будет заваруха.

Дон Сабас был занят отвешиванием на кухонных весах своего маленького, как у птички, обеда, когда жена сказала, что снова пришел сеньор Кармайкл.

— Скажи ему, что я сплю, — шепнул он ей на ухо.

И правда, уже десятью минутами позже он спал. Когда он проснулся, воздух был горячим и жара парализовала весь дом. Шел уже первый час.

— Что тебе снилось? — спросила у него жена.

— Ничего.

Она не будила его, дожидаясь, чтобы он проснулся сам. Через минуту она вскипятила шприц, и дон Сабас сделал себе в бедро укол инсулина.

— Уже года три как тебе ничего не снится, — сказала жена, запоздало выражая разочарование.

— Черт поberi! — крикнул он. — Чего ты от меня хочешь? Нельзя видеть сны по заказу!

Как-то раз, несколько лет тому назад, дон Сабас, задремав ненадолго после обеда, увидел дуб, на котором вместо цветов росли бритвы. Правильно истолковав этот сон, жена выиграла по лотерее.

— Не увидел сегодня, увидишь завтра, — примирительно сказала она.

— Ни сегодня, ни завтра! — раздраженно ответил дон Сабас. — Не воображай, что я буду видеть сны специально для твоих глупостей.

Он опять прилег на постель, пока жена наводила порядок в комнате. Все режущие и колющие предметы были уже давно отсюда изгнаны. Через полчаса дон Сабас медленно поднялся, изо всех сил стараясь не давать воли гневу, и стал одеваться.

— Так что же сказал Кармайкл? — спросил он ее.

— Зайдет позднее.

Они заговорили снова, только когда сели за стол. Дон Сабас клевал по крошке свою нехитрую диету, а она поставила перед собой обильный завтрак — явно чрезмерный, если посмотреть на ее хрупкую фигурку и томное выражение лица. Она долго раздумывала, прежде чем решилась задать вопрос:

— Чего он хочет?

Дон Сабас даже не поднял головы.

— Чего он может хотеть? Денег, конечно.

— Так я и думала, — вздохнула жена и с сочувствием продолжала: — Бедный Кармайкл! Через его руки, и уже столько лет, проходят целые груды денег, а ему приходится жить на подаяния.

Говоря, она постепенно утрачивала интерес к завтраку.

— Дай ему, Сабасито, — сказала она. — Бог тебя наградит.

Жена положила на тарелку крест-накрест вилку и нож и с любопытством спросила:

— А сколько ему нужно?

— Двести песо,— невозмутимо ответил дон Сабас.

— Двести песо?

— Представь себе!

В отличие от воскресений, которые были самыми загруженными его днями, понедельники у дона Сабаса были обычно спокойными. Он мог часами дремать у себя в конторе перед электрическим вентилятором, в то время как скот в его стадах рос, тучнел и умножался. Сегодня, однако, не выдалось ни одной свободной минуты.

— Все из-за жары,— сказала она.

В бесцветных зрачках дона Сабаса снова сверкнула искра раздражения. В узкой комнате со старым письменным столом, четырьмя кожаными креслами и грудями сбруи по углам жалюзи были опущены и воздух был теплый и клейкий.

— Возможно,— согласился он.— Никогда в октябре не бывало такой жары.

— Пятнадцать лет назад в такую же самую жару было землетрясение,— сказала жена.— Помнишь?

— Не помню,— рассеянно ответил дон Сабас.— Ты прекрасно знаешь, что я никогда ничего не помню. А к тому же,— неожиданно зло огрызнулся он,— сегодня у меня нет никакого желания говорить о несчастях.

Он закрыл глаза и, скрестив руки на груди, сделал вид, что засыпает.

— Если придет Кармайкл,— пробормотал он,— скажи ему, что меня нет.

Взгляд его жены стал умоляющим.

— Ты плохой человек,— сказала она.

Он не ответил ей. Она вышла, бесшумно затворив за собой дверь из проволоочной сетки.

Уже вечерело, когда дон Сабас, поспав по-настоящему, открыл глаза и, словно сновидения не кончились, увидел перед собой алькальд, терпеливо ожидающего его пробуждения.

— Такому человеку, как вы,— улыбнулся алькальд,— ложась спать, следует закрывать глаза.

Дон Сабас ни одним мускулом лица не выдал своей растерянности.

— Для вас,— ответил он,— двери моего дома всегда открыты.

Он протянул было руку позвонить в колокольчик, но алькальд остановил его.

— Не хотите кофе? — спросил дон Сабас.

— Сейчас не хочу,— сказал алькальд, обводя комнату тоскующим взглядом.— Здесь было так хорошо, пока вы спали. Будто я был в другом городке.

Дон Сабас потер глаза.

— Сколько сейчас времени?

Алькальд посмотрел на свои ручные часы.

— Скоро пять.— А потом, выправившись в кресле, мягко спросил: — Поговорим?

— Похоже,— сказал дон Сабас,— что ничего другого мне не остается.

— Как и мне,— уверил его алькальд.— В конце концов это уже ни для кого не секрет.— И с той же спокойной непринужденностью, без единого резкого слова или жеста продолжал: — Скажите, дон Сабас, сколько голов скота, принадлежащего вдове Монтель, угнали по вашему приказу из ее стойл и переклеймили вашим клеймом с тех пор, как она предложила вам купить его?

Дон Сабас пожал плечами.

— Не имею ни малейшего представления.

— Я думаю, вы помните,— сказал алькальд,— как это называется.

— Кража скота,— отозвался дон Сабас.

— Именно,— подтвердил алькальд.— Предположим, например,— все так же спокойно продолжал он,— что за три дня угнали двести голов.

— Если бы! — вздохнул дон Сабас.

— Значит, двести,— сказал алькальд.— Вы знаете условия: с каждой головы пятьдесят песо муниципального налога.

— Сорок.

— Пятьдесят.

Молчание дона Сабаса было знаком согласия. Он сидел, откинувшись на спинку пружинящего кресла, вертел на пальце кольцо с черным блестящим камнем, и его взгляд был прикован к воображаемой шахматной доске.

Алькальд смотрел на него пристально и без малейшего намека на жалость.

— Но это еще не все,— продолжал он.— С сегодняшнего дня весь скот из наследства Хосе Монтеля, у кого бы он ни оказался, находится под защитой муниципалитета.

Ответа не последовало, и он продолжал:

— Эта бедная женщина, как вам известно, совсем рехнулась.

— Ну а Кармайл?

— Кармайл,— сказал алькальд,— уже два часа находится под охраной.

Дон Сабас окинул его взглядом, который можно было счесть при желании как восхищенным, так и растерянным, и вдруг, затрясшись в неудержимом беззвучном смехе, навалился всем своим большим мягким телом на письменный стол.

— Какой случай, лейтенант, а? Вам, наверно, такое и не снилось!

К вечеру у доктора Хиральдо появилось отчетливое чувство, будто он вернул себе немалую часть своего прошлого. Миндальные деревья на площади снова покрывались пылью. Еще одна зима подходила к концу, но ее тихие, крадущиеся шаги оставляли глубокий след в его памяти.

Падре Анхель возвращался с вечерней прогулки, когда увидел, как доктор пытается просунуть ключ в замочную скважину своей приемной.

— Вот видите, доктор, — улыбнулся он, — даже дверь не откроешь без воли божьей.

— Или без карманного фонарика, — улыбнулся ему в ответ доктор Хиральдо.

Он повернул в замке ключ, и теперь все его внимание принадлежало падре Анхелю. В сумерках лицо падре казалось расплывчатым багровым пятном.

— Минутку, падре, — сказал доктор и взял его за локоть. — Мне кажется, у вас не в порядке печень.

— Вы так думаете?

Врач включил свет над входом и оглядел лицо священника скорее с человеческим, нежели профессиональным участием; потом отворил затянутую сеткой дверь приемной и включил свет в комнате.

— Не будет ничего плохого, падре, если вы пять минут уделите вашему телу. Давайте-ка проверим кровяное давление.

Падре Анхель торопился, но, уступая настояниям врача, прошел в приемную и стал закатывать рукав.

— В мое время, — сказал он, — этих штук не было.

Доктор Хиральдо поставил напротив него стул и сел прилаживать тонометр.

— Ваше время, падре, продолжается по сей день, — улыбнулся он.

Пока врач смотрел на шкалу прибора, падре оглядывал комнату с тем наивным любопытством, какое вызывают обычно приемные врачей. На стенах висели пожелтевший диплом, литография фиолетовой девочки с разъеденной голубой щекой и картина с изображением врача, оспаривающего у Смерти обнаженную женщину. В глубине кабинета за железной койкой, выкрашенной в белый цвет, стоял шкаф с пузырьками. На каждом пузырьке была этикетка. У окна стоял застекленный шкаф с инструментами, рядом — два таких же с книгами. Единственным различимым запахом был запах денатура-та.

Лицо доктора Хиральдо, когда он кончил измерять давление, не говорило ничего.

— В этой комнате не хватает святого, — пробормотал падре.

Доктор обвел взглядом стены.

— Не только здесь,— сказал он.— Во всем городке.

Он положил тонометр в кожаный футляр, энергичным рывком задернул «молнию» и продолжал:

— Должен сказать, падре, что давление у вас очень хорошее.

— Я так и думал,— отозвался священник и немного удивленно добавил: — Никогда еще я не чувствовал себя так хорошо в октябре.

Падре Анхель начал медленно спускать рукав. Его заштопанная сутана, рваные ботинки и обветренные руки с ногтями будто из обожженного рога позволяли в этот момент увидеть самое существенное: что он человек крайне бедный.

— И все-таки,— сказал врач,— ваше состояние меня беспокоит. Надо признать, что ваш образ жизни не наилучший для такого октября, как нынешний.

— Что поделаешь, господь взыскателен,— сказал падре.

Повернувшись к нему спиной, доктор посмотрел в окно на темную реку.

— Интересно, до каких же пределов? — сказал он.— Неужели богу угодно, чтобы кто-то девятнадцать лет подряд старался заковать чувства людей в панцирь, ясно при этом сознавая, что внутри все остается по-прежнему? — И после долгой паузы продолжал: — А не кажется ли вам в последние дни, что плоды ваших неустанных трудов начинают гибнуть у вас на глазах?

— Мне это кажется каждую ночь на протяжении всей моей жизни,— ответил падре.— И потому я знаю, что утром должен приняться за работу с еще большим усердием.

Он уже встал.

— Скоро шесть,— сказал он и направился к двери.

Врач у окна не шевельнулся, и все же казалось, будто он, когда начал говорить, вытянутой рукой преградил священнику дорогу:

— Падре, как-нибудь ночью, положив руку на сердце, спросите себя, не пытаетесь ли вы лечить моральные раны пластырем.

Падре Анхель не мог скрыть страшного приступа удушья, сдавившего ему грудь.

— В час кончины,— сказал он,— вы узнаете, доктор, сколько весят эти ваши слова.

Он пожелал доктору спокойной ночи и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Ему никак не удавалось сосредоточиться на молитве. Когда он уже заходил в церковь, Мина подошла к нему и сказала, что за два дня поймалась только одна мышь. У него было впечатление, что мыши в отсутствие Тринидад очень расплодилось и теперь грозят подточить самое основание храма, хотя Мина ставит мышеловки, отравляет сыр, разсыпает следы помета и заливает асфальтом новые норы — ей помогал их находить сам падре.

— Вложи в свой труд хотя бы немного веры,— сказал он,— и мыши пойдут в мышеловки, как овечки.

Он долго ворочался на голой циновке, прежде чем уснул. Нервы его от долгого бодрствования были напряжены до предела, и он с неумолимой остротой ощущал горькое чувство поражения, которое заронил в его сердце доктор. Это чувство, беготня мышей в храме и гробовая тишина комендантского часа с неодолимой силой увлекали его в водоворот того воспоминания, которого он больше всего боялся.

Его, только недавно прибывшего в городок, разбудили среди ночи, чтобы он дал последнее напутствие Норе Хакоб. В спальне, готовый принять ангела смерти — там уже не осталось ничего, кроме распятия, повешенного над изголовьем кровати, и ряда пустых стульев у стен,— он выслушал трагическую исповедь, спокойную, точную и подробную. Умиравшая рассказала, что ее муж, Нестор Хакоб, не отец девочки, которую она только что родила. Падре Анхель согласился дать ей отпущение грехов, только если она повторит свой рассказ и произнесет слова покаяния в присутствии мужа.

Х

Повинуясь энергичным командам директора цирка, рабочие вырвали из земли шесты, и со звуком, похожим на жалобный свист ветра среди деревьев, купол шапито величественно опал. Когда взойшло солнце, все уже было упаковано, мужчины грузили на баркасы зверей, а женщины и дети завтракали на сундуках. Раздался первый гудок, и следы очагов на пустыре остались единственным свидетельством того, что через городок прошло нечто похожее на доисторическое животное.

Алькальд в эту ночь не спал. Сперва он наблюдал с балкона, как грузится цирк, а потом смешался с толпой на набережной. Он был по-прежнему в военной форме, глаза его от недосыпания покраснели, и лицо от двухдневной щетины казалось мрачней обычного.

С палубы баркаса его увидел директор цирка.

— Всего наилучшего, лейтенант! — крикнул он. — Оставляю вам ваше царство!

Он был в широком блестящем халате, придававшем его круглому лицу что-то священническое; на руку у него был намотан хлыст.

Алькальд подошел к самой воде.

— Очень сожалею, генерал! — разводя руками, весело отозвался он. — Скажите, пожалуйста, почему вы уезжаете?

Он повернулся к толпе и громко объяснил:

— Я отменил разрешение, потому что он не захотел дать бесплатное представление для детей.

Последний гудок баркасов и шум двигателей заглушили ответ директора цирка. От воды запахло взбаламученным илом. Директор

цирка подождал, пока баркасы развернутся на середине реки, и тогда, перегнувшись через борт и сложив ладони рупором, прокричал во всю силу своих легких:

— Прощай, полицейский ублюдок!

Выражение лица алькальда не изменилось. Он подождал, не вынимая рук из карманов, пока замрет в отдалении шум двигателей, а потом протолкался, улыбаясь, через толпу и вошел в лавку сирийца Мойсеса.

Было около восьми утра, а сириец уже уносил внутрь лавки разложенные перед дверью товары.

— Вы уходите? — спросил алькальд.

— Ненадолго, — ответил, глядя на небо, сириец. — Собирается дождь.

— По средам дождя не бывает, — сказал алькальд.

Облокотившись на прилавок, он стал смотреть на черные тучи, плывущие над набережной, и оторвал от них взгляд только тогда, когда сириец убрал весь свой товар и велел жене подать им кофе.

— Если так пойдет дальше, — со вздохом и словно обращаясь к самому себе, сказал алькальд, — нам придется просить у других городков людей взаймы.

Он начал медленными глотками пить кофе. Из городка уехали еще три семьи. Всего, по подсчетам сирийца Мойсеса, за последнюю неделю их уехало пять.

— Вернутся, — сказал алькальд.

Взгляд его задержался на загадочных пятнах кофейной гущи в чашке, а потом, словно думая о чем-то другом, он продолжал:

— Куда бы ни поехали, им все равно не забыть, что их пуповину зарыли здесь, в городке.

Несмотря на свои предсказания, алькальду пришлось переждать в лавке яростный ливень, на несколько минут погрузивший городок в воды потопа. После этого он отправился в полицейский участок, где сеньор Кармайл, промокнувший насквозь, по-прежнему сидел на скамеечке посередине двора.

Алькальд им заниматься не стал. Приняв рапорт от дежурного, он приказал открыть камеру, где Пепе Амадор, казалось, крепко спал ничком на кирпичном полу. Он перевернул его ногой и посмотрел с тайным состраданием на обезображенное побоями лицо.

— Когда его кормили в последний раз? — спросил алькальд.

— Позавчера вечером.

Алькальд приказал его поднять. Подхватив Пепе Амадора, трое полицейских проволокли его через камеру и посадили на выдававшуюся из стены бетонную скамью. На месте, откуда его поднимали, остался влажный отпечаток.

В то время как двое полицейских поддерживали Пепе Амадора в сидячем положении, третий поднял за волосы его голову. Только

прерывистое дыхание и выражение бесконечной усталости на лице говорили о том, что Пепе Амадор еще жив.

Когда полицейские отпустили его, юноша открыл глаза, нащупал руками край скамьи и с глухим стоном лег на спину.

Выйдя из камеры, алькальд велел покормить арестованного и дать ему поспать.

— А потом, — приказал он, — продолжайте работать над ним, пока не расколется. Думаю, что надолго его не хватит.

С балкона он снова увидел сеньора Кармайкла, который, опустив лицо в ладони и съежившись, по-прежнему сидел на скамейке во дворе участка.

— Ровира! — крикнул алькальд. — Пойди в дом Кармайкла и скажи его жене, чтобы она прислала ему одежду. А потом, — торопливо добавил он, — приведи его в канцелярию.

Он уже засыпал, облокотившись на письменный стол, когда в дверь постучали. Это был сеньор Кармайкл, одетый в белое и совершенно сухой, если не считать ботинок, мягких и разбухших, как у утопленника. Прежде чем им заняться, алькальд сказал полицейскому, чтобы тот сходил к жене сеньора Кармайкла и принес другую пару ботинок.

Сеньор Кармайкл жестом остановил полицейского:

— Не надо. — А потом, повернувшись к алькальду и глядя на него с суровым достоинством, объяснил: — Они у меня единственные.

Алькальд предложил ему сесть. За двадцать четыре часа до этого сеньор Кармайкл был препровожден в бронированную канцелярию и подвергнут долгому допросу об имущественных делах семейства Монтель. Он подробно обо всем рассказал. Когда же алькальд выразил желание купить наследство за цену, которую установят уполномоченные муниципалитета, сеньор Кармайкл заявил о своей твердой решимости препятствовать этому до тех пор, пока имущество не будет приведено в порядок.

И сейчас, после двух дней голода и пребывания под открытым небом, его ответ обнаружил ту же непоколебимую решимость.

— Ты осел, Кармайкл, — сказал ему алькальд. — Пока ты будешь дожидаться приведения наследства в порядок, этот бандит дон Сабас переклеймит своим клеймом весь монтелевский скот.

Сеньор Кармайкл только пожал плечами.

— Ну хорошо, — после долгого молчания сказал алькальд. — Мы знаем, что ты человек честный. Но вспомни вот что: пять лет назад дон Сабас передал Хосе Монтелью список всех, кто был тогда связан с партизанами, и потому оказался единственным руководителем оппозиции, которому дали остаться в городке.

— Остался еще один, — сказал с ноткой сарказма в голосе сеньор Кармайкл. — Зубной врач.

Алькальд сделал вид, что не слышал.

— По-твоему, ради такого человека, способного продать своих ни за грош, стоит торчать сутками под открытым небом?

Сеньор Кармайкл опустил голову и стал разглядывать ногти на руках. Алькальд присел за письменный стол.

— И потом,— вкрадчиво добавил он,— подумай о своих детях.

Сеньор Кармайкл не знал, что его жена и два старших сына накануне вечером побывали у алькальда, и тот обещал им, что не пройдет и суток, как сеньор Кармайкл будет на свободе.

— Не беспокойтесь о них,— ответил сеньор Кармайкл.— Они сумеют постоять за себя.

Он поднял голову, только когда услышал, что алькальд снова прохаживается по комнате. Тогда сеньор Кармайкл вздохнул и сказал:

— Можно попробовать еще одно средство, лейтенант.— Он почти ласково посмотрел на алькальда и продолжал: — Застрелите меня.

Ответа он не получил. Чуть позже алькальд уже крепко спал, а сеньор Кармайкл снова сидел на скамеечке.

Секретарь, находившийся в это время в суде, недалеко от полицейского участка, был счастлив. Он продремал первую половину дня в углу, а потом, совершенно неожиданно для себя, увидел роскошные груди Ребеки Асис. Будто сверкнула молния среди ясного дня: внезапно отворилась дверь ванной, и прекрасная женщина, на которой не было ничего, кроме намотанного на голову полотенца, издала сдавленный крик и бросилась закрывать окно.

С полчаса секретарь горько переживал в полутемном суде, что прекрасное видение так быстро скрылось, а около двенадцати повесил на дверь замок и отправился поддержать свою память пищей.

Когда он проходил мимо почты, телеграфист помахал рукой, чтобы привлечь его внимание.

— Будет новый священник,— сказал он секретарю.— Вдова Асис написала письмо апостолическому префекту.

Секретарь не поддержал его.

— Высшая добродетель мужчины,— сказал он,— это умение хранить тайну.

На углу площади он увидел сеньора Бенхамина, раздумывавшего, прыгнуть ли ему через лужу к своей лавке.

— Если бы вы только знали, сеньор Бенхамин...— начал секретарь.

— А что такое?

— Ничего,— сказал секретарь.— Я унесу эту тайну с собой в могилу.

Сеньор Бенхамин пожал плечами, а потом, увидев, с какой юношеской легкостью секретарь прыгает через лужи, последовал его примеру.

Пока его не было, кто-то принес в комнату за лавкой три судка, тарелки, ложку с вилкой и ножом и сложенную скатерть. Сеньор Бенхамин стал готовиться к обеду — расстелил скатерть на столе и все на нее поставил. Движения его были педантично точными. Сперва он съел суп, где плавали большие желтые круги жира и лежала кость с мясом, потом из другой тарелки стал есть жаркое с рисом и южкой. Зной усиливался, но сеньор Бенхамин не обращал на это никакого внимания. Пообедав, он составил тарелки одна на другую, собрал судки и выпил стакан воды. Он уже собирался повесить гамак, когда услышал, как в лавку кто-то вошел.

Глухой голос спросил:

— Сеньор Бенхамин дома?

Вытянув шею, он увидел одетую в черное женщину с пепельно-серой кожей и полотенцем на голове. Это была мать Пепе Амадора.

— Нет, — сказал сеньор Бенхамин.

— Но ведь это вы, — сказала женщина.

— Да, — отозвался он, — но меня все равно что нет, потому что я знаю, зачем вы ко мне пришли.

Женщина остановилась в нерешительности в узком и невысоком дверном проеме, в то время как сеньор Бенхамин вешал гамак. При каждом выдохе легкие ее издавали тихий свист.

— Не стойте в дверях, — сурово сказал сеньор Бенхамин. — Или уходите, или войдите внутрь.

Женщина села у стола и беззвучно зарыдала.

— Простите, — сказал он ей. — Вы должны понять, что, оставаясь на виду у всех, вы меня компрометируете.

Мать Пепе Амадора сняла полотенце с головы и вытерла им глаза. По привычке сеньор Бенхамин, повесив гамак, проверил, крепки ли шнуры. После этого он снова переключил внимание на женщину.

— Значит, — заговорил он, — вы хотите, чтобы я написал вам прошение.

Женщина кивнула.

— Так я и думал, — продолжал сеньор Бенхамин. — Вы еще верите в прошения. А ведь в нынешние времена, — он понизил голос, — суд вершат не бумагами, а выстрелами.

— Так говорят все, — сказала она, — но ведь сын в тюрьме у меня одной.

Говоря это, она развязала носовой платок, который до этого прижимала к груди, и, достав оттуда несколько засаленных бумажек — восемь песо, — протянула их сеньору Бенхамину.

— Это все, что у меня есть, — сказала она.

Сеньор Бенхамин посмотрел на бумажки, а потом, пожав плечами, взял их у нее и положил на стол.

— Я точно знаю — это дело бесполезное, — сказал он. — Напишу только, чтобы доказать богу свое упорство.

Женщина благодарно кивнула ему и зарыдала снова.

— Обязательно,— посоветовал ей сеньор Бенхамин.— постарайтесь добиться у алькальда свидания с сыном и уговорите мальчика сказать все, что он знает. Без этого можете сразу выбросить в мусорный ящик любое прошение.

Она высморкалась в полотенце, опять покрыла им голову и, не оглядываясь, вышла из лавки.

Послеобеденный отдых сеньора Бенхамина продлился до четырех часов дня. Когда он вышел умыться в патио, погода была ясная, а в воздухе было полно летающих муравьев. Переодевшись и причесав то небольшое, что оставалось у него на голове от волос, он пошел на почту купить лист гербовой бумаги.

Он уже возвращался с ним в лавку, чтобы написать прошение, когда понял: в городке что-то произошло. Вдалеке раздались крики. Он спросил у пробежавших мимо мальчишек, что случилось, и они, не останавливаясь, ему ответили. Тогда он вернулся на почту и отдал гербовую бумагу назад.

— Уже не понадобится,— сказал он.— Пепе Амадора только что убили.

Все еще полусонный, сжимая в одной руке ремень, а другой застегивая гимнастерку, алькальд в два прыжка спустился по лестнице своего дома. Необычный для этого часа цвет неба заставил его усомниться во времени. Он не знал, что происходит, но сразу понял, что ему надо поспешить в участок.

Окна на его пути закрывались. Посередине улицы, раскинув руки, навстречу ему бежала женщина. В прозрачном воздухе носились летающие муравьи. Еще не зная, что случилось, алькальд вытащил из кобуры револьвер и побежал.

В дверь участка ломились несколько женщин, а мужчины их оттаскивали. Раздавая удары направо и налево, алькальд пробился к двери, прижался к ней спиной и направил на толпу револьвер.

— Ни с места, а то буду стрелять!

Полицейский, до этого державший дверь изнутри, теперь открыл ее и, встав с автоматом на изготовку, свистнул в свисток. Еще двое полицейских, выскочив на балкон, сделали несколько выстрелов в воздух, и люди бросились бежать кто куда. В этот миг, воя как собака, на углу показалась женщина, алькальд увидел, что это мать Пепе Амадора. Одним прыжком он скрылся внутри участка и уже с лестницы приказал полицейскому:

— Займись ею!

Внутри царил мертвая тишина. Только теперь алькальд узнал, что произошло — когда отстранил полицейских, загораживавших вход в камеру, и увидел Пепе Амадора. Юноша лежал, скорчившись, на полу, и руки его были зажаты между колен. Лицо белое, но следов крови нигде не видно.

Убедившись в том, что никаких ран обнаружить нельзя, алькальд перевернул тело Пепе Амадора на спину, заправил ему рубашку в штаны, застегнул их и затянул пряжку ремня.

Когда он выпрямился, его обычная уверенность снова была с ним, но на лице, которое увидели полицейские, можно было прочитать первые признаки усталости.

— Кто?

— Все,— сказал белокурый великан.— Он хотел бежать.

Алькальд посмотрел на него задумчиво, и несколько мгновений казалось, что сказать ему больше нечего.

— Этими небылицами никого уже не обманешь,— сказал он и, протянув руку, шагнул к белокурому великану.— Отдай револьвер.

Полицейский снял с себя ремень и отдал алькальду. Заменяя в револьвере две стреляные гильзы новыми патронами, алькальд положил использованные себе в карман и отдал револьвер другому полицейскому. Белокурый великан, которого, если посмотреть на него вблизи, казалось, окружал ореол детства, дал отвести себя в камеру.

Там он разделся догола и передал одежду алькальду. Делалось все без спешки, будто они участвовали в какой-то церемонии, где каждый знал, что ему надлежит делать. Наконец алькальд сам запер камеру, в которой лежал убитый, и вышел на балкон. На скамеечке по-прежнему сидел сеньор Кармайкл.

Когда сеньора Кармайкла привели в канцелярию, он оставил без внимания приглашение алькальда сесть. Снова в мокрой одежде, он застыл перед письменным столом и лишь едва заметно кивнул, когда алькальд спросил его, все ли ему теперь понятно.

— Ладно,— сказал алькальд.— У меня еще не было времени решить, что именно я сделаю и стоит ли мне делать что-нибудь вообще. Но что бы я ни решил, помни одно: ты увяз.

Сеньор Кармайкл стоял все с таким же отсутствующим видом. Одежда у него прилипла к телу, а лицо начало распухать, как у утопленника после трех суток пребывания в воде. Алькальд тщетно ждал хоть каких-нибудь проявлений жизни.

— Так что, Кармайкл, ситуация должна быть тебе ясна: мы с тобой компаньоны.

Он сказал это серьезно, даже драматично, но похоже было, что сеньор Кармайкл ничего не слышит. Бронированная дверь уже закрылась за алькальдом, а он все стоял перед столом, такой же опухший и печальный.

На улице перед входом в участок двое полицейских держали за руки мать Пепе Амадора. Казалось, что все трое отдыхают. Женщина дышала спокойно, и глаза у нее были сухие, но, когда в дверях появился алькальд, она издала хриплый вопль и начала вырываться с такой силой, что одному из полицейских не удалось ее удержать. Тогда другой ударил ее ключом, и она рухнула без сознания на землю.

Алькальд даже не взглянул на нее. Взяв с собой полицейского, он направился на угол, к кучке людей, наблюдавших эту сцену. Не обращаясь ни к кому в отдельности, он сказал:

— Говорю всем: если не хотите чего-нибудь похуже, унесите ее домой.

Вместе с полицейским он миновал людей и пошел в суд. Там никого не было. Тогда он пошел к судье Аркадио домой и, без стука распахнув дверь, позвал:

— Судья!

Измученная беременностью жена судьи ответила из темноты:

— Он ушел.

Алькальд словно прирос к порогу.

— Куда?

— Куда ему идти? — ответила жена. — Наверно, к этой дерьмовой шлюхе.

Алькальд мигнул полицейскому, чтобы тот шел за ним. Не глядя на женщину, они прошли внутрь, перевернули спальню вверх дном и, убедившись окончательно, что никаких мужских вещей в ней нет, вернулись в гостиную.

— Когда он ушел? — спросил алькальд.

— Позавчера вечером, — ответила женщина.

Алькальд замолчал раздумывая.

— Сукин сын! — крикнул он вдруг. — Спрячься хоть на пятьдесят метров под землей, снова влезь в утробу своей шлюхи-матери, мы тебя и оттуда достанем, живого или мертвого! У правительства рука длинная!

Женщина вздохнула.

— Услышь вас бог, лейтенант.

— Уже смеркалось. Полицейские держали на прицеле людей, все еще стоявших на углах улицы по обе стороны участка, но мать Пепе Амадора унесли, и казалось, что городок успокоился.

Алькальд прошел прямо в камеру, где лежал убитый, приказал принести брезент и надел на труп шапочку и очки. Полицейский помог ему завернуть тело Пепе Амадора в брезент, и алькальд стал разыскивать по всем помещениям куски веревок и проволоки. Набрав побольше и связав их один с другим, он обмотал ими тело от шеи до щиколоток.

Когда он закончил, с него ручьями лил пот, но было видно, что он испытывает облегчение — как будто труп был тяжелой ношей, которую он теперь с себя сбросил.

Только после этого он включил в камере свет.

— Достань лопату, заступ и фонарь, — приказал он полицейскому, — а потом позови Гонсалеса. Пойдете с ним на задний двор и выроете глубокую яму подальше, на задах — там суше.

Слова звучали так, словно он придумывал каждое по мере того, как его выговаривал.

— И зарубите себе на носу, — добавил он, — этот парень не умирал.

Прошло два часа, а могилу все еще не выкопали. Алькальд увидел с балкона, что на улице нет никого, кроме полицейского, прохаживающегося от угла к углу. Включив свет на лестнице, он повалился в шезлонг в самом темном углу большой комнаты и перестал слышать доносящиеся издалика редкие пронзительные крики выпы.

Его вернул к действительности голос падре Анхеля. Сперва алькальд услышал, как падре говорит с полицейским на улице, потом с кем-то, с кем пришел, и, наконец, узнал этот второй голос. Он оставался в шезлонге, пока не услышал их снова, теперь уже в участке, и не услышал первых шагов на лестнице. Тогда он левой рукой потянулся в темноте за карабином.

Увидев его на верхней площадке лестницы, падре Анхель остановился. Двумя ступенями ниже стоял в коротком белом накрахмаленном халате и с чемоданчиком в руке доктор Хиральдо. Доктор улыбнулся, и его острые зубы обнажились.

— Я разочарован, лейтенант, — весело сказал он. — Ждал целый день, что меня позовут делать вскрытие.

Падре Анхель посмотрел на него своими кроткими прозрачными глазами, а потом перевел взгляд на алькальда. Алькальд тоже заулыбался.

— Вскрывать некого, — сказал он, — поэтому вскрытия не будет.

— Мы хотим видеть Пеппе Амадора, — сказал священник.

Алькальд опустил карабин дулом вниз и ответил, по-прежнему обращаясь к доктору Хиральдо:

— Я тоже хочу, но что поделаешь? — И уже без улыбки добавил: — Пеппе Амадор убежал.

Падре Анхель поднялся еще на одну ступеньку. Алькальд направил на него дуло карабина.

— Остановитесь, падре.

Врач тоже поднялся ступенькой выше.

— Слушайте, лейтенант, — все еще улыбаясь, сказал он, — у нас в городке сохранить что-нибудь в тайне невозможно. С четырех часов дня все знают: с этим мальчиком сделали то же, что дон Сабас делал с проданными ослами.

— Пеппе Амадор убежал, — повторил алькальд.

Он следил за доктором, и потому, когда падре Анхель, воздев к небу руки, поднялся на две ступеньки разом, это едва не застало его врасплох.

Он щелкнул затвором и застыл на месте, широко расставив ноги.

— Стой! — крикнул он.

Врач схватил священника за рукав. Падре Анхель зашелся кашлем.

— Давайте играть в открытую, лейтенант, — сказал врач. Впервые за долгое время голос его звучал жестко. — Это вскрытие должно быть сделано. Сейчас мы раскроем тайну сердечных приступов, которые происходят у заключенных в этой тюрьме.

— Доктор, — сказал алькальд, — если вы сделаете хоть один шаг, я вас пристрелю. — Он чуть скосил глаза в сторону священника. — И вас тоже, падре.

Все трое замерли.

— А к тому же, — продолжал алькальд, обращаясь к падре Анхелю, — вам, падре, надо радоваться: листки наклеивал этот парень.

— Заклинаю вас богом... — начал падре Анхель и снова судорожно закашлялся.

— Ну вот что, — снова заговорил алькальд, — считаю до трех. При счете «три» начинаю с закрытыми глазами стрелять в дверь. Раз и навсегда, — слова его были обращены теперь только к врачу, — с шуточками покончено, доктор, — мы с вами воюем.

Врач потянул падре Анхеля за рукав и, ни на миг не поворачиваясь к алькальду спиной, начал спускаться. Вдруг он захохотал.

— Так-то лучше, генерал! Вот теперь мы друг друга поняли.

— Раз... — начал считать алькальд.

Продолжения счета они не слышали. Когда падре Анхель на углу возле полицейского участка прощался с доктором, ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть слезы на глазах, он казался подавленным. По-прежнему улыбаясь, доктор Хиральдо хлопнул его по плечу.

— Не удивляйтесь, падре, — сказал он, — такова жизнь.

У своего дома он остановился под фонарем и посмотрел на часы. Было без четверти восемь.

Падре Анхель совсем не мог есть. После сигнала трубы, возвестившего наступление комендантского часа, он сел писать письмо. Полночь миновала, а он все еще сидел, склонившись над столом, в то время как мелкий дождь, словно школьный ластик, стирал вокруг него мир. Писал он самозабвенно, выводя ровные и немного вычурные буквы с таким рвением, что вспоминал о необходимости обмакнуть перо, уже нацарапав на бумаге одно, а то и два невидимых слова.

На следующее утро после мессы он отнес письмо на почту, хотя знал, что до пятницы его все равно не отправят. Было сыро и туманно, и только к полудню воздух стал прозрачным. Залетевшая случайно в патио птица около получаса ковыляла, подпрыгивая, среди тубероз. Она пела одну и ту же ноту, но каждый раз брала ее октавой выше, пока нота не начинала звучать так высоко, что ее можно было слышать только в воображении.

Во время вечерней прогулки падре Анхель не мог отделаться от впечатлений, что весь день, начиная с полудня, его неотступно преследует какой-то осенний аромат. В доме Тринидад, пока он

говорил с выздоравливающей об обычных в октябре болезнях, ему почудился запах, исходивший однажды вечером у него в комнате от Ребеки Асис.

Возвращаясь с прогулки, он зашел в дом сеньора Кармайкла. Жена и старшая дочь были безутешны в своем горе, и при каждом упоминании о заключенном голос у них дрожал. Однако младшие дети были счастливы без отцовской строгости и сейчас пытались напоить из стакана чегу кроликов, посланную им вдовой Монтель. Вдруг падре прервал разговор и, начертив в воздухе рукою какой-то знак, сказал:

— А, знаю — это аконит.

Но это не был аконит.

О листках никто не вспоминал. Рядом с последними событиями они выглядели самое большее курьезом из прошлого. Падре Анхель тоже высказал такое мнение во время прогулки и потом, после молитвы, когда беседовал у себя в комнате с дамами из общества католичек.

Оставши один, падре Анхель ощутил голод. Он пожарил себе зеленых бананов, нарезанных ломтиками, сварил кофе с молоком и заел все это куском сыра. Приятная тяжесть в желудке помогла забыть о неотступно преследующем запахе. Раздеваясь, чтобы лечь, и уже потом, под сеткой, охотясь за пережившими опрыскивание москитами, он несколько раз рыгнул. Падре чувствовал изжогу, но в душе у него царил мир.

Спал он как убитый. В безмолвии комендантского часа он услышал взволнованный шепот, первые аккорды на струнах, настроенных предрастветным холодком, и, наконец, песню из тех, что пелись прежде. Без десяти пять он проснулся и снова понял, что живет. Величественно приподнявшись, он сел, потер глаза и подумал: «Пятница, двадцать первое октября». А потом, вспомнив, сказал вслух:

— Святой Илларион.

Не умываясь и не помолившись, оделся. Застегнув одну за другой все пуговицы сутаны, обулся в потрескавшиеся ботинки на каждый день, у которых уже отрывались подошвы. Отворив дверь и увидев за ней свои туберозы, вспомнил строку песни.

— «И там я останусь до смерти», — вздохнул он.

Мина сильным толчком приоткрыла дверь церкви в тот самый миг, когда он в первый раз ударил в колокол. Подойдя к чаше со святой водой, она увидела, что мышеловки по-прежнему открыты и сыр в них цел. Падре отворил входную дверь до конца.

— Пусто, — сказала Мина, встряхнув картонную коробку. — Сегодня ни одна не попала.

Но падре Анхель ее не слышал. Словно оповещая, что и в этом году, несмотря на все, в назначенный срок придет декабрь, рождался ослепительно ясный день. Никогда еще падре не ощущал так остро молчания Пастора.

— Ночью была серенада,— сказал он.

— Да, винтовочная,— отозвалась Мина.— Недавно только перестали стрелять.

Падре впервые на нее посмотрел. На ней, невероятно бледной, как ее слепая бабушка, тоже была голубая лента светской конгрегации, но в отличие от Тринидад, которая была немного мужеподобной, в ней начинала расцветать женщина.

— Где?

— Везде,— ответила Мина.— Будто с ума посходили, разыскивая листовки. Говорят, в парикмахерской случайно подняли пол и нашли там оружие. Тюрьма переполнена, но говорят, что мужчины бегут в лес и кругом партизаны.

Падре Анхель вздохнул.

— А я ничего не слышал,— сказал он и двинулся в глубину церкви.

Она молча последовала за ним к алтарю.

— И это еще не все,— продолжала Мина.— Хотя был комендантский час и стреляли, ночью снова...

Падре Анхель остановился и, прищурившись, посмотрел на нее прозрачными голубыми глазами. Мина с пустой коробкой под мышкой остановилась тоже и, нервно улыбнувшись, договорила.

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

НЕДОБРЫЙ ЧАС

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 05.02.85. Подписано к печати 27.03.85. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,19. Усл. кр.-отт. 2,98. Тираж 85 000 экз. Изд. № 862. Зак. № 207. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

● В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

● Стоимость билета 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

● Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

● По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

● Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

● Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной лотереи
книготорг